

КЕЛЛИ БОУЭН

Секреты
защищают ее прошлое,
но правда – ключ
к ее будущему.

КВАРТИРА ПРИЖЕ

На крышах Парижа

Келли Боуэн

Квартира в Париже

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

Боуэн К.

Квартира в Париже / К. Боуэн — «Эксмо», 2021 — (На крышах Парижа)

ISBN 978-5-04-182939-1

Не бойся погрузиться в тайны прошлого, ведь его подводный мир бывает прекрасен. Душераздирающий исторический роман Келли Боуэн рассказывает о тайнах поколений. «Парижская квартира» сочетает в себе лучшее от женской художественной литературы. Это пронзительное и захватывающее путешествие, разворачивающиеся на фоне объята войной Франции. Секреты защищают ее прошлое, но правда — ключ к ее будущему... 1942 год, Париж. Эстель Алар, наследница богатой французской семьи, едва ли хорошо знает родителей и находит семью в тесном кругу друзей. Счастливая жизнь рушится, когда начинается война, и теперь Эстель рискует навсегда потерять тех, кто ей дорог. И тогда девушка принимает судьбоносное решение. 2017 год, Лондон. Когда бабушка Аурелии умирает, она оставляет внучке маленькую парижскую квартиру. Аурелия еще не знает, что найдет в квартире коллекцию украшений и платьев, а одна из картин окажется ключом к разгадке главной тайны ее бабушки. Вместе с Габриэлем Сеймуром, реставратором с загадочным прошлым, героине предстоит раскрыть правду, скрытую в стенах парижской квартиры. «Удивительный взгляд на жизнь сильных женщин, рискующих всем во время Второй мировой войны». — Карен Уайт «Трогательная история об опасностях и интригах, любви и потерях, которая разворачивается на фоне Парижа. Настоящее сокровище». — Кристина Уэллс Романы Келли Боуэн были переведены на итальянский, французский, японский и румынский языки.

УДК 821.111-31(71)

ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-182939-1

© Боуэн К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Келли Боуэн

Квартира в Париже

Невоспетым героям, проявившим удивительную храбрость и стойкость в борьбе против ненависти и репрессий. Ваши жертвы и усилия навсегда останутся в нашей памяти

Kelly Bowen PARIS APARTMENT

Copyright © 2021 by Kelly Bowen

This edition published by arrangement with Forever New York, New York, USA. All rights reserved

© Соломахина В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1

Аурелия

ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ, 10 июня 2017 года

С портрета на нее пристально смотрела обнаженная темноглазая женщина.

Смелые оранжево-алые мазки, вскинутые над головой руки, протянутые к зрителям, развевающиеся за спиной темным облаком волосы. Выхваченная из тьмы лучом света, падающим из распахнутой двери, она сердито глядела с полотна, будто возмущаясь бесцеремонным вторжением, нарушившим уединение.

Лия застыла на пороге, сжимая в одной руке тяжелый ключ, а в другой – конверт с аккуратно сложенными документами, подтверждавшими ее полное право находиться в этой квартире.

Эта неизвестная доселе квартира со всей обстановкой, теперь принадлежащая ей, по заверениям юристов, стоит целое состояние.

«Наверное, бабушка души в вас не чаяла», – не смогла скрыть зависть секретарша, разглядывая адрес.

И Лия ничего на это не ответила, потому что бабушкино последнее волеизъявление было столь же загадочно, как и вся жизнь, и по поводу особого обожания у Лии были серьезные сомнения.

– Вода, свет, газ должны быть подключены, – сообщила появившаяся сзади Лии на лестнице консьержка.

Хранительница ее собственности, представившаяся просто Селестой, оказалась на удивление молодой улыбчивой женщиной с коротким розовым ежиком на голове.

Лии она сразу же понравилась.

– В кабинете я сижу редко, но, если понадобится, обычно где-нибудь рядом. Просто позвоните.

– Спасибо, – рассеянно поблагодарила Лия, опуская ключ в карман.

– Когда звонили, вы, кажется, сказали, что это квартира вашей бабушки?

Селеста небрежно облокотилась о лестничные перила.

– Да. Она ее мне завещала.

По крайней мере, так ей сообщили в юридической фирме, когда пригласили ознакомиться с целой горой бумаг. Хотя до тех пор квартира оплачивалась со счета, открытого на имя Grandmère¹, сама Эстель Алар, насколько Лия знала, кроме Марсея, никогда нигде не жила.

– Ах, примите мои искренние соболезнования, – мягко сказала женщина.

– Благодарю вас. Ее смерть не была внезапной. А вот эта квартира... большой сюрприз...

– Ну не плохой, как бывает, – заметила Селеста. – Всем бы так везло.

– И правда, – согласилась Лия, теребя эмалевый кулон на шее.

До сегодняшнего дня антикварное украшение было единственным бабушкиным подарком, врученным без особых церемоний в день восемнадцатилетия.

Лия окинула взглядом консьержку.

– А давно вы здесь работаете?

– Шесть лет.

– Вы, наверное, ничего не знаете ни о квартире, ни о моей бабушке Эстель Алар?

¹ Grandmère (фр.). – бабушка (Здесь и далее прим. перев.)

Селеста покачала головой.

– К сожалению, нет. Хотя я знакома со многими жильцами, врать не буду, я не имею ни малейшего представления, чья это была квартира, знаю только, что последние шесть лет в ней никто не жил.

Лия вдруг порывисто сунула документы под мышку и, расстегнув молнию на портфеле, выудила рисунок размером с лист писчей бумаги – яркое, даже несколько грубоватое изображение особняка, утопающего в изумрудной листве деревьев на фоне синего неба.

Не считая ключа, этот рисунок оказался единственным предметом, особо упомянутым в завещании.

– Вам известна фамилия Сеймур? Уильям Сеймур? Ни о чем не говорит? – спросила Лия, показывая картину Селесте.

Та снова покачала головой.

– Нет. А можно спросить, кто он?

– Без понятия. Наверное, художник, на этой картине его подпись.

– Вот как? – заинтересовалась Селеста. – Думаете, он когда-то тут жил?

– Откуда мне знать? – вздохнула Лия, пряча рисунок в портфель.

Она особо и не рассчитывала что-то узнать, но попытка не пытка.

– Хотите, могу покопаться в домовых книгах, – предложила Селеста. – У нас сохранились архивы за много лет. Если Уильям Сеймур когда-то здесь жил, глядишь, что-нибудь и найдется.

Лия была тронута предложением до глубины души.

– Нет, не сто́ит.

Ей не хотелось обременять эту добрую женщину. Сначала она сама проведет небольшое расследование.

– Хорошо. Но если передумаете, дайте знать.

– Благодарю вас. Непременно.

Селеста, казалось, колебалась.

– Собираетесь здесь пожить? – наконец спросила она.

Лия уже хотела было ответить, но передумала.

Если коротко, то да, хотя бы ненадолго. А вот дальше... все не так просто.

– Конечно, это не мое дело, – опустила голову консьержка. – Извините.

– Ну что вы, – улыбнулась Лия. – Я просто еще не решила.

– Оставайтесь, – искренне предложила Селеста. – Я бы с удовольствием...

Послышался звук лязгнувшего замка, за которым последовал взрыв истеричного лая. Лия обернулась. Из квартиры напротив появилась пожилая женщина со светлым извивающимся комочком шерсти под мышкой и, опираясь на остроконечную тросточку, засеменила навстречу.

Она была похожа на персонажа из американской рекламы мыла или пылесосов середины двадцатого века: платье в цветочек с завышенной талией и широкой юбкой, ожерелье из крупного жемчуга на шее, седые завитки, обрамляющие обильно напудренное лицо с пунцовыми крашенными губами. Помада растеклась по глубоким морщинкам вокруг рта, создавая жуткий эффект.

Аурелия невольно представила, как бы сейчас *grand mère* неодобрительно прищелкнула языком.

«Лия, косметика не должна бросаться в глаза, если, конечно, не хочешь, чтобы тебя ценили только за внешность».

В те времена Лия была подростком, очень любила краситься блеском для губ, и ее раздражали непонятные придирки. Но теперь она поняла, что *grand mère* была права. Соседка шаркала по мраморному полу, не отрывая потрясенного взгляда от обнаженной природы, воз-

вышающей в сумраке квартиры у Лии за спиной. Похоже, картина произвела на нее такое же впечатление, как и на Лию, впрочем, удивление быстро сменилось явным неодобрением.

Лия с натянутой улыбкой загородила собой дверной проем, не давая заглянуть в комнату. Женщина нахмурилась и вытянула шею.

– Добрый день, – вежливо поздоровалась Лия, поддавшись вбитой за школьные годы привычке приветствовать старших.

В ответ собака разразилась неистовым тьяканьем. Пронзительный лай, отражаясь эхом от мраморного пола и оштукатуренных стен, немилосердно зазвенел в ушах. Скривившись еще сильнее, дама выудила откуда-то среди складок юбки кусок колбасы. Собачонка тут же притихла, позабыв о Лии, и уставилась глазками-бусинками на вожаемое лакомство в скрюченной руке.

– Вы хозяйка квартиры? – раздался в наступившей тишине грубый, словно наждачная бумага, голос женщины.

– Да, – не очень уверенно ответила Лия, еще не привыкшая к своему новому положению.

– А я здесь всю жизнь прожила. С самого тысяча девятьсот сорок третьего года, – прищурилась старушка.

Улыбка Лии увяла.

– Ого... Так долго...

– Я в курсе всего, что происходит в этом доме. И за все эти годы через ваш порог не переступило ни единой живой души. До сих пор.

– Гм, – уклончиво промычала Лия.

Поди разбери, то ли это вопрос, то ли утверждение, а может, даже обвинение. Потеребив конверт с документами, она прижала его к груди.

– Вы здесь одна будете жить?

Старуха вскользь покосилась на левую руку Лии.

– Прошу прощения?

Лия подавила порыв спрятать руку в карман.

– В вашем возрасте все давно замужем. Вероятно, поезд ушел. Не повезло.

Лия остолбенела, неужели послышалось?

– Простите?

– Видала я таких.

Соседка фыркнула, разглядывая тяжелый рюкзак, портфель и, наконец, голые плечи Лии и тесемки красного сарафана вокруг шеи.

– Это каких же?

Терпение Лии подходило к концу, сменяясь раздражением.

– Не хватало еще вашей музыки. И гулянок с выпивкой да наркотой не потерплю. И чтобы всякие проходимцы к вам не шастали по ночам.

– Хорошо, проходимцев буду водить только днем, – не удержавшись, медовым голосом съязвила Лия.

Селеста, хранившая молчание во время пикировки, приснула со смеху и притворно закашлялась.

Женщина резко обернулась.

– Добрый день, мадам Хофман, – взяв себя в руки, поздоровалась Селеста. – Как поживаете?

Мадам Хофман сурово взглянула на розовые волосы консьержки и презрительно ухмыльнулась.

– Докатились, – пробурчала она.

У Селесты зазвонил телефон.

– Дела, дела, – взглянув на экран, извиняющимся тоном сообщила она Лии. – Если что понадобится, звоните, и добро пожаловать.

И оторвавшись от перил, помчалась вниз по лестнице, вызвав очередной истеричный приступ тьякканья.

Лия воспользовалась моментом и, скрывшись в квартире и захлопнув за собой дверь, тут же оказалась во тьме и духоте, зато избавилась от продолжения разговора.

– Конечно, попробуй тут не разозлишься, – пробормотала она стоящей перед ней картине. – С такой соседкой, да с самого сорок третьего года, я бы вообще взбесилась.

Ответа не последовало.

В квартире воздух был спертый от времени и пыли – судя по всему, здесь никто не жил гораздо дольше шести лет, о которых знала Селеста.

Лия сложила вещи на пол и подождала, пока глаза привыкнут к темноте.

В глубине комнаты, на стене, выходящей на широкую, залитую солнцем улицу, виднелись полосы света, пробивающегося сквозь плотные шторы на окнах. Его хватало лишь разглядеть смутные очертания окружающих предметов без каких-либо подробностей.

Лия осторожно, мелкими шажками, обошла картину и направилась к окнам. Половицы скрипели на каждом шагу, словно протестуя против ее вторжения. Протянув руку к зашторенной стене, кончиками пальцев нащупала тяжелую ткань, похожую на камчатное полотно. Пока все хорошо. Никто на нее не выскочил, не свалился на голову и не кинулся под ноги. Пальцы нащупали край шторы, где-то вверху на багете забренчали кольца. Лия без раздумий потянула за штору.

И тут же об этом пожалела.

В слепящем солнечном свете, залившем комнату сквозь старинные окна, ее окутали густые, удушливые облака пыли, от которых тут же заслезились глаза. Лия поперхнулась и закашлялась, отчаянно дергая задвижку на раме, а когда та наконец неохотно поддалась, чуть с ума не сошла от радости.

Она приоткрыла окно, не обращая внимания на протестующий стон петель, и ринулась навстречу свежему воздуху.

Лия застыла на несколько минут с высунутой из окна головой, задыхаясь и откашливаясь, стараясь не думать, как нелепо выглядит со стороны для прохожих на улице. Наверное, нужно было оставить дверь открытой или впустить первой очаровательную мадам Хофман.

Уняв наконец кашель, Лия с глубоким вздохом облегчения выпрямилась и приготовилась к новым находкам. Она медленно отошла от окна и обнаружила, что на самом деле наследством *grand mère* оказалась не просто квартира, а настоящий музей.

Пыль все еще клубилась в воздухе, но яркий свет озарил тисненные обои в серовато-голубых тонах неба перед бурей.

На стене против окон висели в позолоченных рамках десятки картин: несколько очаровательных пасторальных сельских пейзажей, морские – с вечно стремящимися за горизонт кораблями. Каждая картина поражала яркими, насыщенными тонами.

В центре комнаты на широком персидском ковре стояли лицом друг к другу пыльные диваны с бирюзовой обивкой в стиле Людовика XV.

С одной стороны, ближе к Лии, к ним был приставлен длинный стол, на который опирался большой холст с обнаженной натурой, развернутый к двери и приветствующий гостей.

В дальней стене, примыкающей к окнам, оказался пустой камин с резной мраморной облицовкой.

Под самым потолком над камином виднелась скоба, на которой, видимо, когда-то висело какое-то произведение искусства, но теперь это место пустовало.

А прямо над головой в центре комнаты красовалась люстра с хрустальными подвесками, ослепительно сверкающими даже под слоем пыли. На онемевших ногах Лия пошла дальше.

Она остановилась у изящного журнального столика рядом с дальним концом дивана и принялась разглядывать коллекцию фотографий в рамочках. Осторожно взяв первую, она протерла стекло. Молодая женщина с мундштуком в руке, в шелковом, расшитом бисером платье, которое, словно вторая кожа, повторяло каждый изгиб тела, и небрежно накинутом на плечи меховом палантине стояла у входа в джаз-клуб, прислонившись к фонарному столбу и обратив на камеру равнодушный взор, в котором сквозила скрытая чувственность.

На обороте Лия увидела надпись карандашом: «Эстель Алар, Монмартр, 1938 год».

Лия с трудом сглотнула.

Несмотря на неоднократные заверения юристов о том, что квартира принадлежала Эстель Алар, Лия только сейчас по-настоящему осознала, что ей до сих пор в это не верилось. Не верилось, что бабушка всю жизнь хранила в тайне такое важное обстоятельство и ни разу не обмолвилась, что бывала и тем более жила в Париже. И Лия даже представить себе не могла почему.

Она вернула фотографию на место и взялась за другую. На ней смеющаяся красавица Эстель в кокетливой шляпке набекрень сидела за рулем приземистого «Мерседеса», выглядывая из окна. Ее волосы рассыпались по плечам. Лия моргнула, пытаясь связать бесшабашность и непринужденность, пронизывающую эти фотографии, со знакомой ей строгой, сдержанной женщиной. Попытка с треском провалилась.

Она переключила внимание на последнюю фотографию и нахмурилась. На нее без тени улыбки смотрел суровый немецкий офицер.

Судя по форме, фотография была времен Первой мировой войны. Лия еще больше нахмурилась и перевернула снимок, но не нашла на обороте никакой надписи. Она поставила фотографию на место и взглянула на стопку лежащих рядом с ней журналов.

Отложив в сторону верхний номер, покрытый толстым слоем пыли, она обнаружила легко читаемую обложку. Из рупора в левом верхнем углу как бы вылетали слова, набранные жирным красным шрифтом, ниже на обложке был изображен солдат с решительным суровым лицом. Такая же красная полоса пробегала по корешку журнала, сверху виднелась надпись: «Сентябрь 1942 года».

Лия отдернула руку.

– Не может быть, – ахнула она в пустоту, словно надеясь, что произнесенное вслух сбудется. Дальше можно даже не листать, и так ясно – там немецкая пропаганда и глянцево-агитки тех времен, когда нацисты захватили этот самый город.

Лия снова уставилась на молодую, смеющуюся Эстель Алар в «Мерседесе» и неизвестного немецкого офицера, потом отвернулась от фотографий и журналов, страшась напрашивающихся выводов.

С нарастающим дурным предчувствием в душе она прошла мимо украшенного камина и повернула за угол. Здесь оказалась столовая, в центре которой стоял стол палисандрового дерева с восемью стульями в одном стиле.

Справа от нее у стены стоял высокий буфет с рядами хрустальной, серебряной и фарфоровой посуды на полках. На стене напротив буфета обнаружилась ещё одна коллекция картин – поразительные портреты мужчин и женщин в старинных нарядах, от которых трудно было отвести взгляд.

От нарастающего ужаса Лия до боли прикусила губу.

Во время оккупации произведения искусства для нацистов были лакомым куском, многие коллекции были разграблены подчистую...

– Прекрати, Лия. – Она встряхнула головой, не обращая внимания на абсурдность ситуации – докатилась, разговаривает сама с собой. – Не говори глупостей. Хватит себя накручивать.

Да, в квартире нашлась фашистская пропаганда. Но единственная фотография и стопка журналов вовсе не значили, что картины на стенах добыты грабежом или другим незакон-

ным способом. В молодости бабушка вполне могла хранить такую коллекцию в этой квартире исключительно из любви к искусству, и нечего выдумывать какой-то преступный умысел. Пусть этим занимаются голливудские сценаристы и радикальные фанатики.

Лия оторвала взгляд от картин и продолжила осмотр квартиры, выйдя в коридор. Дверь справа вела в кухню с небольшой газовой плитой, маленьким холодильником и глубокой мойкой, врезанной в столешницу, ничем не заставленную, не считая единственного хрустального бокала.

Слева от нее через распахнутые стеклянные двери виднелись смутные очертания кровати с пологом – последняя комната была спальней.

Как и в гостиной, из высоких окон на дальней стене сквозь шторы пробивались полосы света.

Лия вошла в спальню, обошла кровать и, наученная недавним горьким опытом, с особой осторожностью приоткрыла плотные шторы.

При свете комната оказалась типичным женским уголком с розовыми обоями, слегка пожелтевшими и выцветшими лишь по краям у самого потолка.

В комнате стояли двуспальная кровать, туалетный столик с креслом и необъятный шкаф, весь покрытый резьбой в провинциальном стиле.

Кровать была аккуратно заправлена, и постельное белье после стирки наверняка оказалось бы в тон обоям.

Безупречный порядок в комнате нарушал лишь какой-то небрежно брошенный поверх покрывала предмет одежды, смятый и посеревший от пыли.

Приподняв его за тонкие бретельки, Лия определила, что это вечернее платье. Ошеломляющий наряд из лимонно-желтого шифона и крепа, расшитый стеклярусом, что-то баснословно дорогое в любые времена. Явно не из тех, что можно отбросить, словно пару старых носков.

Совершенно сбита с толку, она выпустила платье из рук и вгляделась в узкий сводчатый проход в углу за шифоньером. За ним оказалось нечто вроде современной гардеробной. Комната, где одевались и прихорашивались, догадалась Лия, хотя особо разгуляться было негде.

Вдоль стен по обеим сторонам впритык висели всевозможные платья, меха и пальто, громоздясь друг на друга в таком количестве, что за ними не было видно задней стенки. На полу рядами выстроились десятки пар туфель, а на верхней полке высились стопки коробок со шляпками. Перед ними стояли шкатулки с украшениями, некоторые обтянутые кожей или атласом.

– Боже праведный, – пробормотала Лия. Такое изобилие просто не укладывалось в голове.

Она попятилась к выходу и осторожно открыла шкаф в ожидании очередной ярмарки тщеславия. Но он был практически пуст, на весь немалый объем не набралось и десятка платьев. Эти платья, избежавшие вековой пыли, были настоящими сокровищами высокой моды: шелковыми и атласными, с изысканной вышивкой, аппликациями и украшениями. Лия погладила сапфирово-синюю юбку и отдернула руку, боясь испачкать ткань. Она закрыла шкаф и прижалась лбом к сомкнутым створкам дверей. Платья, туфли, меха – одной одежды и обуви было на целое состояние, не говоря уж об изысканной мебели и картинах.

И все это скрывалось в течение более семидесяти лет.

Лия упала в кроличью нору. В пучину безумия, в которой так и напрашиваются омерзительные мысли. Она отстранилась от шкафа и перевела дух.

Бездоказательные измышления до добра не доведут, за время научной карьеры это она усвоила твердо. Бабушка вправе рассчитывать на определенный кредит доверия. Лия не поверит в худшее, пока не получит неопровержимых доказательств. А пока нужно отбросить беспочвенные подозрения, лучше набросать список неотложных дел, задач, требующих немедлен-

ного внимания. В списках содержатся лишь пронумерованные задачи, а не какие-то догадки и предположения. Списки – это порядок и логика, с их помощью в моменты растерянности и сомнений ей всегда было проще сосредоточиться на том, что под силу изменить. Да, прямо сейчас ей нужны тщательно составленные списки.

Немного взбодрившись, Лия направилась к выходу, но, заметив краем глаза собственное отражение, застыла на месте как вкопанная. Даже в немного потускневшем и облезшем зеркале над туалетным столиком были заметны морщинки, выдающие ее беспокойство.

Она невольно села в небольшое кресло, не обращая внимания на пыль и не отводя глаз от зеркала. Кто последним в него смотрелся? Бабушка? А если бы Лия перенеслась в прошлое, что бы она увидела? И кого?

Она оглядела туалетный столик. В центре сгрудились красивые стеклянные флаконы. Рядом лежала пара дамских перчаток, брошенных и забытых, а дальше, под самым зеркалом, стояла маленькая карточка. «Почтовая открытка», – протянув руку, подумала Лия.

На черно-белой фотографии виднелись смутные очертания длинного здания, похожего на древний храм с рядом римских колонн вдоль фасада. Впечатляющий вид величественного строения портил только штандарт со свастикой, гордо реющий на ветру.

Ужас охватил ее с новой силой, пробуждая нечто гораздо более зловещее. Она медленно перевернула открытку.

«Милой Эстель, – гласила выцветшая небрежная надпись чернилами. – С благодарностью, Герман Геринг».

Лия уронила открытку, словно ужаленная, и вскочила, опрокинув маленькое кресло. Смесь отчаяния с омерзением подкатила к горлу тошнотворным комком.

Какая она дура! Только дурак может еще на что-то надеяться. Только умалишенный станет отрицать, что вся эта квартира – одна сплошная улика. Более убедительного, неопровержимого доказательства даже вообразить невозможно.

Она до сих пор понятия не имела, почему бабушка решила оставить ей эту квартиру, но основания скрывать само ее существование теперь были предельно ясны. Ведь ее родная бабушка, что каждый год в мае вывешивала за окном французский флаг, празднуя победу, женщина, что беспрестанно клялась в любви к своей стране, вовсе не была патриоткой.

Ее бабушка – лгунья, лицемер и предатель.

Ее бабушка – пособница фашистов.

Глава 2

Софи

ВЕЛЮНЬ, ПОЛЬША, 31 августа 1939 года

Первый раз Софи Сеймур назвали странной, когда ей было восемь лет.

Случилось это на празднике в честь дня рождения одноклассницы Элоизы Постлвейт, где она оказалась лишь по приглашению матери именинницы вместе со всем классом летней воскресной школы. Праздник был целым событием: девочки в нарядных платьях с оборками, угощение с сытными пирожными и холодным чаем, и игры, такие скучные, просто тоска зеленая.

Никто не заметил, как Софи тайком улизнула от шумной суеты игроков в «музыкальные стулья» и «передай пакет» и направилась в расположенную на первом этаже библиотеку.

Библиотека Постлвейтов, как и сам особняк, производила неизгладимое впечатление: блаженная тишина, мягкий полуденный свет. Здесь Софи обнаружила учебник латыни, наверняка сохранившийся со времен учебы Постлвейта в Итоне. Восьмилетняя Софи уже хорошо владела французским, испанским и итальянским, хотя с латынью, от которой произошли эти языки, была незнакома. Учебник ее сразу заинтересовал, и она зачиталась в укромном уголке.

Увлечшись новым занятием вдали от остальных, она не заметила, что ее хватились, не представляла, какой поднялся переполох, когда наконец стало ясно, что восьмилетняя девочка пропала, а когда первые поиски ничего не дали, возникло зловещее опасение, что она могла упасть в какой-нибудь пруд в усадьбе и утонуть.

О происходящем Софи догадалась только через час, когда сбившаяся с ног миссис Постлвейт обнаружила ее в библиотеке и в ярости от пережитого потрясения рывком подняла на ноги и выхватила из рук учебник.

– Да что с тобой такое? – потребовала она объяснений, багровея лицом, резко выделяющимся на фоне модной прически, ничуть не пострадавшей при поисках.

– Ничего, – растерялась Софи, не понимая, в чем дело.

– Ты зачем сбежала?

– Голова заболела от шума, – вежливо объяснила Софи.

– Ты испортила Элоизе праздник, – зашипела женщина. – Все пропало.

– Не понимаю.

– Тебя все обыскались. Думали, утонула.

Софи покачала головой.

– Я умею плавать, – попыталась она успокоить хозяйку. – Мама нас с братом одних не отпускала, пока мы не научились.

– Лучше бы объяснила, что воровать нехорошо. То есть брать чужое без спросу, – с отвращением поджала губы женщина.

– Я не воровала, – возразила Софи. – Просто читала. А потом поставила бы на место.

– Ах ты врунья, – взглянув на учебник латыни, фыркнула миссис Постлвейт. – Ты же такое читать не умеешь.

– Умею.

От такого оскорбления, впервые услышанного из уст взрослого, у Софи защемило в груди.

– Это же просто латынь, – пыталась объяснить она. – Сначала основы грамматики в таблицах, потом построение предложений. Не так уж и трудно. Хотите покажу?

– Я не нуждаюсь в твоих объяснениях. Я и так свое место знаю. Вот и ты свое знай.

Миссис Постлвейт пристально уставилась на Софи, но та не опустила глаз.

– Ну и странное создание, – холодно и твердо, как бриллианты, висевшие у нее на шее, заявила женщина. – Никто на тебя не позарится. Что-то с тобой не так.

После того разговора прошло тринадцать лет, но в память он врезался навсегда.

– По-твоему, я ненормальная? – спросила Софи, глядя в потолок.

Петр заворочался у нее под боком, оторвал взлохмаченную темноволосую голову от подушки и, подперев щеку рукой, воззрился на супругу озорными, цвета Балтийского моря, глазами.

– Это что, вопрос на засыпку? Экзамен для новоиспеченных мужей?

– Тоже мне, остряк нашелся.

– Сама начала приставать с такими вопросами, – он протянул руку и погладил ее по голому плечу. – Жалеешь, что ли?

– Жалею, что мы столько тянули.

– Ты прямо мысли читаешь, – улыбаясь согласился Петр Ковальский. – Знал бы, что согласишься, сразу бы предложение сделал, в тот же день, когда ты меня своим великом перехала.

– Не было такого. Я же успела свернуть, так что в основном дереву досталось.

– Нет, ты меня нарочно сбила. Просто не утерпела, – поддразнил он.

– Да я на работу опаздывала. И, чтоб ты знал, изо всех сил старалась в тебя не влюбиться.

– Гм, – Петр наклонился и поцеловал с такой страстью, что у нее замерло сердце. – Куда уж тебе со мной тягаться.

Софи смогла только кивнуть – он был прав. Когда по рассеянности из-за спешки она сбила его с ног, на любимом была зеленовато-коричневая форма польского офицера кавалериста, и он не вскипел и не осыпал ее проклятиями. Напротив, осторожно помог подняться на ноги. Чулки были испорчены безвозвратно, саднила поцарапанная коленка, из разбитой губы шла кровь.

Он ловко поставил велосипед на колеса и с обеспокоенным видом обернулся.

Пораженная его добротой и невероятно яркими голубыми глазами, она, как последняя дурочка, начала лепетать какие-то извинения, мямлить про посольство, куда ей нужно поскорее вернуться. А он просто смочил из фляжки носовой платок и с такой нежностью вытер кровь с ее губы, что она чуть не разрыдалась, вскарабкалась на велосипед и что есть мочи пустилась наутек. И, лишь добравшись до посольства, обнаружила в руке его скомканный окровавленный платок.

Сгорая со стыда, она заперлась в уборной и кое-как привела себя в порядок. Здравый смысл подсказывал, что новая встреча с тем любезным голубоглазым офицером ей не светит, но при этой мысли вместо облегчения ее охватила глубокая тоска.

– Почему ты тогда пришел? – вдруг вырвалось у нее. – В посольство?

– Потому что удивительная прекрасная блондинка, что рассыпалась в извинениях как минимум на четырех языках, украла мой последний платок, и я решил его вернуть.

– И явился с цветами.

– Потому что сердце она тоже украла. Хоть мне и не удалось его вернуть, я об этом не жалею. Оно твое навсегда, moja kochana².

Софи взглянула на свадебное кольцо на пальце. В косых лучах солнца, начинающего садиться над крышами и шпилями, рубин и крошечные жемчужины переливались яркими искорками.

– Знаешь, Петр Ковальский, ты просто неисправимый романтик.

– Каюсь, – сверкнул он лукавой ухмылкой. – За это ты меня и любишь.

² Moja kochana (польск.) – моя любимая.

– Я тебя люблю за доброту, храбрость и порядочность. А еще за терпение, нежность и ум.

– А как же красота?

– Ты самый красивый мужчина на свете, – улыбнулась Софи.

– Само собой. Ну давай, продолжай. А еще за что любишь?

– Ты просто напрашиваешься на комплименты.

– Да, а потом твоя очередь. Обещаю, в долгу не останусь.

Софи рассмеялась и добавила уже серьезно:

– Помнишь, как я рассказала, что хочу стать профессором языкознания в Оксфорде, а ты только спросил, почему до сих пор не подала документы? И где мы будем жить. За это и люблю.

– Совершенно естественные вопросы.

Софи потеряла край простыни.

– Большинство мужчин этого бы не поняли.

– Я не большинство, – он поймал ее за руку. – И вообще, с чего вдруг такие мысли?

– Детские комплексы, – пробормотала Софи. – Извини. Неподходящая тема да и романтики никакой в брачную ночь.

Петр уселся на протестующе скрипнувшей кровати и приобнял Софи за талию, притянув к себе.

– Если кому взбредет в голову погасить то пламя, что бушует у тебя в сердце, его даже за человека считать нельзя. Можешь мечтать о чем угодно, я тебя всегда поддержу.

– Сейчас я самая счастливая на свете, – любуясь им, прошептала она.

– Осторожно, – заметил он, и у него в глазах заплясали озорные искорки. – А то еще в безнадежные романтики запишут.

– Между прочим, у нас в семье ни безнадежных, ни еще каких женщин-романтиков отродясь не водилось, – фыркнула она. – Это больше по мужской части.

– Скорей бы с ними познакомиться.

– Успеешь еще.

– А они злиться не будут? За то, что я на их дочери женился, даже не сватаюсь?

Софи прикусила губу. Сколько она себя помнила, замужество всегда шло вразрез с ее мечтами и желаниями, противоречило идеям свободы и независимости. Ее неприятие брака только усиливалось всякий раз, когда очередная настырная матрона совала нос в чужие дела со своими нотациями, мол, давно пора бросать эту бесполезную учебу и заняться настоящим делом – подыскать приличную партию и остепениться.

Тысячу раз она клялась родным, что никогда не влюбится. Никогда не выйдет замуж. Потом тысячу раз садилась за письменный стол, чтобы сознаться во лжи. И каждый раз не находила слов. Ничего, завтра она все исправит, вот только доберется до Варшавы.

– Ты их покоришь, – уверила она.

Иначе и быть не может.

– Жаль, что моих родителей уже нет в живых, а то бы я тебя с ними познакомил, – сказал он, водя пальцем по ее плечу. – Хотя они были бы в ужасе, что мы не устроили пышное венчание в церкви с цветами, оркестром и толпой гостей. И не провели медовый месяц в Вене или Париже, нежась на шелковых простынях.

– Ну и сложности... – Софи взяла его за руку, сплетаясь пальцами. – Непростая штука эта жизнь.

– Я даже порядочного фотографа не нашел.

– Я как-то не собиралась замуж за порядочного фотографа.

– Очень смешно.

– Я тебя люблю, – просто сказала она, не в силах выразить словами шквал переполнявших чувств.

Он пронзил ее решительным взглядом и ответил без тени усмешки:

– Я тоже тебя люблю.

– Жалко, что тебе так мало отпуска дали и уже завтра нужно возвращаться в часть. Не хочется снова тебя терять...

– У меня этот отпуск лучший в жизни, – перебил он. – И никуда я не денусь. Мы с тобой навеки повязаны. У тебя моя фамилия. Ты носишь кольцо моей бабушки. Я твой, окончательно и бесповоротно.

Софи зажмурилась и прислушалась к ровному биению его сердца.

– А насчет твоего вопроса... – немного погодя добавил он. – Да, ты и впрямь необыкновенная.

Он нащупал губами ямочку у нее за ухом.

– Необыкновенно умная, необыкновенно красивая. – Его рука скользнула под простыней к ее бедру. – А самое главное, – шепнул он, – невероятно соблазнительная.

Софи открыла глаза.

– Объясни.

И он объяснил без слов.

* * *

Софи не поняла, отчего проснулась.

Она лежала в постели, внимательно прислушиваясь, но, кроме ровного дыхания Петра, ничто не нарушало тишину. Супруг оказался неистощим на выдумки, как не упустить ни единой минуты из тех немногих, что оставались до возвращения на службу, но и она ему не уступала. Так что заснули они перед самым рассветом, совершенно выбившись из сил.

Она осторожно выскользнула из постели и, стараясь не шуметь, открыла чемоданчик, выбирая на ощупь платье.

– Ты что, уже меня бросаешь? – раздался во тьме сонный голос Петра.

– Хочу встретить рассвет, – ответила она, натягивая через голову простенькое платьице. – Ты спи, спи.

– Еще чего. Это первый рассвет первого дня нашей совместной жизни. Я с тобой.

Скрипнула кровать, и зажегся свет.

Софи застегнула воротничок платья и надела туфли. Через мгновение к ней присоединился Петр, и они вышли во двор старинного каменного здания. Свернув с пустынной улицы, что вела к центру городка, они обогнули гостиницу и оказались на заросшем травой пустыре. Судя по развалинам какого-то длинного заброшенного строения, видневшимся с южной стороны, когда-то, в стародавние времена, здесь мог быть каретный двор.

На горизонте занимался рассвет, иссиня-багровый покров ночи мало-помалу уступал робкому золотистому зареву. Легкий ветерок охлаждал кожу, напоминая о подкрадывающейся осени. Софи схватила Петра за руку и потащила по торной тропе, ведущей через двор к воротам на пастбище, сбивая с травы носками туфельки капли утренней росы.

Добравшись до ворот, она повисла на ограде, не обращая внимания на давящую под мышками грубо отесанную перекладину, ведь в загоне паслась пестрая кобыла с жеребенком, оба словно призраки в сумерках.

Окутанные легкой дымкой, стелющейся по траве под светлеющим небом, лошади словно позировали для пасторальной открытки, какими торговали на варшавских улицах.

Она вздохнула, очарованная красотой пейзажа, стараясь навсегда запечатлеть этот момент в памяти.

– Какая красота! – ахнула она.

– Статный малыш, – ответил Петр. – Что холка, что ноги – любо-дорого поглядеть.

Софи скорчила рожицу.

– Милый, я про пейзаж, – нахмурилась она.

– Тоже неплохо, – прильнул он к ней губами.

Гнедой жеребенок скакал по загону, вставал на дыбы и брыкался, пока наконец чуть не свалился на бок.

– Похоже, это он перед тобой хорохорится. Наверное, в кавалерии служить набивается, – засмеялась Софи.

– Наверное.

Петр нагнулся, пролез между жердями и протянул руку.

– Иди сюда, – усмехнулся он. – Давай знакомиться.

Софи пролезла за ним и взяла его за руку. В детстве она никогда не ездила верхом, родители не держали лошадей в фамильном поместье в Норфолке, но Петр часто ее катал, и его искреннее восхищение этими благородными созданиями передалось ей.

Кобыла приветственно заржала и направилась к ним, оставив скачущего жеребенка позади. Подойдя к Петру, она остановилась и осторожно обнюхала его рукав. Он почесал ей за ушами, что-то бормоча себе под нос, и лошадь опустила голову.

– Умешь ты их заговаривать, – сказала Софи, любуясь, как он ласкает лошадь. Ей всегда нравились его руки – крепкие, грубые, мозолистые и при этом невероятно нежные. Казалось, он умеет усмирить одним прикосновением даже самую строптивую лошадь.

– Ничего подобного, – тихо ответил он. – Просто представился. Жеребенок подойдет, когда сам захочет.

Жеребенок, тряся головой, носился кругами вокруг Петра с кобылой. Наконец осторожно приблизился, едва не ткнувшись мордочкой Петру в рубашку. Тот не двинулся с места, продолжая что-то тихонько бормотать и поглаживая кобылу по шее. Жеребенок подошел еще ближе, а когда Петр потянулся к нему, тут же отпрянул, и Петр полностью переключил внимание на кобылу.

– Какой пугливый, – заметила Софи.

– Нет, – прошептал Петр. – Доверие нужно заслужить. Он просто об этом напомнил.

Жеребенок вернулся к Петру, а когда тот протянул руку и легонько потрепал его по загривку, не отскочил, а пригнул шею и приблизился еще на шаг.

– Ну вот, – шепнул Петр и медленно, осторожно погладил стригунка по спине. – Доверие должно быть взаимным. Когда-нибудь этого скакуна попросят совершить невозможное. Броситься вперед в такой ситуации, когда инстинкт велит удирать без оглядки. И он послушается того, кому доверяет. Доверие – великое дело.

Он опустил руку, отошел от кобылы с жеребенком и обнял Софи.

С тяжелым сердцем она опустила голову ему на плечо, мечтая навеки продлить этот счастливый миг, но не в силах остановить ускользающее от нее время. От них.

– Жаль, что тебе нужно уезжать, – прошептала она.

– А сама-то машину из МИДа угнала, так что придется вернуть, пока ее не хватились.

– Не угнала, а взяла напрокат. И успею вернуть, никто даже не заметит. А чем я занимаюсь в выходные, мое личное дело. И вообще, разговор не обо мне.

Он стиснул ее плечо.

– В нашем полку даже мобилизацию не объявляли.

– Но ведь было дело, – нахмурилась Софи.

– В тот раз всеобщая была на один день. А сейчас нет. Кажется, все чего-то ждут, не зная, сбудется ли. Ребята в эскадроне сомневаются, что придется вступить в бой.

– Твои ребята ещё не в курсе, о чем говорят в посольстве, – проворчала Софи.

– Да, Гитлер напористый и самоуверенный, но вовсе не дурак. Я считаю, он не станет нападать на Польшу, бросая вызов Британии и Франции.

– А я сомневаюсь, Петр, и очень беспокоюсь.

Петр посмотрел на неё.

– Знаю. Я тоже.

Софи со вздохом проводила взглядом бредущих прочь лошадей.

– Прости. Мы же договаривались: ни слова про войну и политику, времени и так мало осталось...

– Не извиняйся. – Он заправил выбившуюся прядь ей за ухо. – Может, как раз это и надо обсудить. Поговорить о том, как поступить, если немцы все-таки решатся наделать глупостей.

Она нахмурилась.

– Тебе нужно уехать из Польши.

– Что? Ну уж нет.

– Пока все не образуется...

– И куда уехать?

– Хотя бы во Францию. Оттуда можно будет вернуться в Англию, если...

– Нет. Мой дом рядом с тобой.

– Я хочу, чтобы ты была в безопасности.

– Ничего со мной не случится. Останусь в Варшаве, где нужна. Где смогу помочь дипломатам предотвратить катастрофу.

Она встала перед ним и обняла за талию.

– Никуда я не побегу, и ты меня не прогонишь. Что бы там ни было, справимся вместе.

– Но если случится худшее, если начнется война, я должен быть уверен, что с тобой ничего не произойдет.

– Все будет в порядке.

– Софи, обещай, что в решающий момент будешь действовать с умом. Будешь беречься и никаких глупостей не наделаешь.

– Петр...

– Обещай, – не отступал он.

Софи прикусила губу.

– Обещаю.

– Спасибо, – Петр прижался к ней лбом. – Я и не ожидал, что ты согласишься уехать.

– Хорошо. Рада, что мы договорились.

Она поежилась от резкого порыва ветра.

– Давай вернемся в номер, и я тебя согрею, – предложил он.

– Вот это другое дело.

И они, рука об руку, направились к гостинице. Совсем рядом пестрая кобыла пощипывала траву, а вокруг нее скакал игривый жеребенок.

У Софи заурчало в животе.

– Как думаешь, получится найти что-нибудь перекусить?

Кобыла вдруг вскинула голову, наострив уши в сторону гостиницы.

Софи остановилась, Петр тоже, но на заброшенном пустыре ничего подозрительного заметно не было. Где-то вдалеке на улице залилась неистовым лаем собака, за ней подхватили другие. Софи нахмурилась.

Кобыла всхрапнула и попятилась, вытянув шею и раздувая ноздри, а потом вместе с жеребенком пустилась галопом на дальний край пастбища. И тут сквозь стихающий топот копыт до Софи донесся гул моторов.

Сначала она не сообразила, с какой стороны они приближаются, не обратила внимания на пронзительный вой пикирующих самолетов, но тут на юго-западе в небе сверкнула яркая вспышка. Софи молча наблюдала за приближающимися к деревне мелкими точками, что становились все крупнее и завывали все громче.

– Это наши? – шепотом спросила она.

– Нет, – прохрипел Петр.

Первая бомба взорвалась где-то в центре деревни, после глухого удара послышались грохот и несколько взрывов. В небо взметнулись клубы дыма и пыли, но самолеты все приближались, и вскоре стали видны черно-белые кресты на крыльях. Земля задрожала от новых взрывов, прокатившихся бесконечной разрушительной волной, и среди них раздался леденящий душу треск пулеметных очередей.

– Они обстреливают улицы с бреющего полета, – крикнул Петр, толкая Софи вперед. – Нужно где-то укрыться.

Они бежали с пастбища. Сердце Софи чуть не выскакивало из груди, внутри все сжалось от ужаса.

Под несмолкающий вой приближающихся самолетов она протиснулась через ворота пастбища, обдирая руки о шершавые жерди, и вдруг зацепилась подолом за торчащий гвоздь. Отчаянно рванулась из последних сил и, задыхаясь, бросилась прочь. Петр, подгоняя ее, бежал следом. Не успела она сделать и двух шагов вперед, как гостиница рухнула прямо у нее на глазах. В воздух взметнулись камни, а от взрывной волны она приложилась спиной о ворота и осела на землю.

От удара чуть не вышибло дух, а при попытке отдышаться ее накрыло облаком пыли, набившейся в нос и рот. Поперхнувшись, она перекатилась на живот, не обращая внимания на жгучую боль в ребрах, и поползла дальше назад, на пастбище, мимо разбитой ограды и столбов. Сбитая с толку, она с трудом поднялась на колени, потом встала, зажимая уши руками. Вокруг стало непривычно тихо, вместо визга самолетов остался лишь слабый звон.

Пыль понемногу оседала, хотя дым и языки пламени по-прежнему вздымались ввысь, словно мазками ужаса покрывая холст безоблачного сентябрьского неба. Гостиница превратилась в гору битого кирпича и обломков бревен, из которой осколком зуба торчала единственная уцелевшая северная стена. Софи, пошатываясь, заковыляла вперед. Где же Петр?

Она споткнулась о кучу битого кирпича, из которой инородным телом торчала дамская туфелька. Рядом валялась сумочка того же цвета, из которой в разные стороны разлетелись какие-то документы.

Вокруг Софи появились похожие на привидения люди, все в пыли и крови. Большинство бежало, не разбирая дороги, кто-то брел куда глаза глядят, а некоторые просто съезжились на земле. Петра среди них не было.

Над головой промелькнула тень, затем еще одна. Земля затряслась под ногами. Слева из земли забили фонтанчики пыли с дымом, и бегущие мимо люди начали падать, неестественно вздрагивая. Вдруг чьи-то руки схватили ее за плечи и развернули кругом. Она заглянула в лучистые голубые глаза и чуть не расплакалась от облегчения.

Петр что-то кричал и показывал на полуразрушенные конюшни, которые еще уцелели. Он толкнул ее к зданию, и Софи с трудом заставила сдвинуться с места непослушные ноги, словно вязнущие в густом иле. Звон в ушах постепенно слабел, уступая место вою и реву моторов.

Позади раздался резко оборвавшийся женский крик.

Невидимый за стеной клубящегося дыма, поднимавшегося над разрушенной гостиницей, с пронзительным завыванием приближался очередной самолет. Земля дрогнула от удара, и снова застучали пулеметы. Софи от испуга запнулась на бегу, но Петр ее подхватил и подтолкнул к темнеющему впереди проему, в котором давно не было двери.

Они уже почти добрались до сарая, и тут самолет вынырнул из облака огня и дыма над гостиницей, вспарывая очередями землю перед собой. Петр толкнул Софи вперед, и она со всего маху растянулась на пороге, а сверху на нее рухнуло его тяжелое тело, вышибая дух и вдавливая подбородком в землю. Слушая рев пронсящих мимо моторов, она крепко зажмурилась, чувствуя металлический привкус крови во рту.

Хотела пошевелинуться, но Петр своим весом пригвоздил ее к земле.

– Петр? – просипела она.

Он не ответил.

– Петр? – снова позвала она, охваченная новым ужасным подозрением. С трудом приподнявшись на локтях, почувствовала, как тяжелое тело медленно сползает по спине. Завопив не своим голосом, она отчаянно забилась, пытаясь выбраться из-под мужа, и сама удивилась невесть откуда взявшейся силе.

– Нет, нет, нет, нет!

Она встала перед ним на колени, пытаясь помочь и в то же время боясь потревожить.

Он перекатился на спину, и черные ресницы застыли на запорошенном пылью лице. По груди сквозь белую рубашку жутким рисунком расплывались кровавые пятна.

Он еще дышал, едва заметно, и Софи трясущимися пальцами оторвала кусок от подола платья и с величайшей осторожностью вытерла с его губ кровь.

Веки его затрепетали.

– Ты что... опять меня сбила... своим великом? – с трудом выдавил он.

Софи всхлипнула.

– Не совсем.

– Я... так и понял.

– Ничего, поправишься, – заверила она. – Раз уж я тебя не добила, и это переживешь.

Возможно, он попытался улыбнуться, но веки, подрагивая, снова опустились.

– Не плачь, – едва расслышала она и, смахнув выступившие слезы, схватила его за руку. Ладонь пронзило леденящим холодом. – Достань... из кармана рубашки, – прошептал он.

Дрожащей рукой Софи выполнила просьбу. В кармане рубашки оказалась черно-белая фотография, на которой она с торжествующей улыбкой восседала на неоседланном коренастом мерине, не обращая внимания на растрепанную прическу и вымазанную в грязи одежду. Софи тут же вспомнила тот момент.

– Этот снимок сделан в первый день, когда ты учил меня ездить верхом.

– Да.

– А я столько раз падала с этого бедного коня, что уже счет потеряла.

– И все-таки... не сдавалась. – Он снова открыл ярко-голубые глаза. – Продолжай в том же духе.

Она покачала головой, снова всхлипнув.

– Как же я без тебя?

– Софи, не трать время попусту. С этого момента ни единого дня. Иначе все это было зря.

– Я тебя люблю.

Теперь слезы хлынули ручьем.

Вдали снова послышался нарастающий рев, и Софи склонилась над Петром, как будто могла уберечь от любой новой опасности. Краем глаза она заметила мелькнувшие копыта несущейся во весь опор лошади, но жеребенка уже не было видно.

Софи наклонилась и нежно поцеловала мужа в губы.

Вот так, пробыв замужем четырнадцать часов, Софи овдовела.

Глава 3

Эстель

БЛИЗ МЕЦА, ФРАНЦИЯ, 17 июня 1940 года

Двадцать две вдовы.

Из числа раненых, которых Эстель Алар не довезла живыми до полевого госпиталя на своем санитарном автомобиле, у двадцати двух на руках были обручальные кольца. А солнце едва перевалило за полдень.

Она не помнила точно, с каких пор начала обращать на это внимание и почему эта мелочь ей показалась столь важной, ведь каждого раненого, что она вывозила с передовой, женатого или холостого, кто-нибудь да любил. Наверное, ей всегда было интересно, каково это – любить и быть любимой настолько, чтобы дело дошло до брака. Чтобы кто-то любил другого со всеми недостатками. Может, даже за них.

Что значит любить так глубоко и бесповоротно, что дальнейшее существование в разлуке теряет всякий смысл?

При мысли о такой любви охватывала зависть вперемешку с ужасом, ведь ее можно потерять в считанные секунды. Как случилось с теми двадцатью двумя женщинами, что уже никогда не дождутся возвращения своих возлюбленных.

Видавший виды автомобиль Эстель мчался по полю, проваливаясь в глубокие рытвины, но, заметив ряды носилок с ранеными, она затормозила, и машина, вздрогнув, замерла на месте. Кругом были ряды корчащихся от боли, кричащих, истекающих кровью людей, но еще страшнее казались те, что просто лежали, не издавая ни звука. Таких много. Слишком много.

– Алар, где тебя черти столько носили? – рывкнул на нее изможденный врач, едва она распахнула дверь кабины, сползла с жесткого сиденья и, пошатнувшись, прыгнула на землю.

– Жером, я тоже рада, что ты жив.

– Что-то долго ты пропадала, – Жером де Кольбер пропустил мимо ушей ее приветствие, склонившись над одним из распростертых на земле тел. – Проворней надо.

– Так горячего нет, – вяло отпарировала она.

Вечно приходится задерживаться из-за этого горячего. Не только ей, всем водителям.

Сейчас в баке машины плескались остатки того, что удалось раздобыть на заброшенной ферме в миле к югу отсюда, обитатели которой бежали, бросив все, в страхе перед немецкими оккупантами.

– А Рашель скоро появится? – выпрямляясь, спросил он.

– Наверное.

По правде говоря, со своей лучшей подругой она рассталась еще на рассвете, а потом они только разминулись во дворе фермы, где расположился полевой госпиталь.

Весь день Эстель изо всех сил старалась отгонять дурные мысли о том, что с ней могло случиться.

Пыталась не представлять Рашель раненой или убитой, в искореженном или сожженном автомобиле, попавшем под массированный артналет.

Даже сейчас стоял не утихающий рев и грохот орудий, почти заглушающий стоны раненых и умирающих в ожидании перевозки. В горле першило от спертого воздуха, в котором пороховая гарь и дым перемешались с вонью крови и мочи. Эстель на мгновение схватилась за дверцу машины, чтобы прийти в себя, и поспешила к новой группе раненых, ожидающих переправки в госпиталь.

Она села на корточки перед солдатом с полностью замотанной грязным окровавленным тряпьем головой, застывшим на носилках, свесив руку набок.

– Оставь его, – угрюмо велел Жером. – Этот уже готов. Лучше вон того рядом проверь, а я сейчас вернусь, помогу погрузить.

Она взяла безжизненную руку солдата и аккуратно положила ему на грудь. В пробивающихся через хмарь солнечных лучах блеснуло золотом обручальное кольцо.

Двадцать три вдовы.

Она коснулась кольца. На нем виднелась знакомая надпись на иврите...

– Нет.

Оцепенев на мгновение, Эстель принялась искать под грязной гимнастеркой именные жетоны. На липких от запекшейся крови пластинах удалось разобрать: Ален Уайлер.

Эстель уронила жетоны и отпрянула от тела, словно отстраняясь от того, о чем уже догадалась. Горло сдавили спазмы, и она едва не рухнула в рыданиях на землю, только в такой массе страданий, смертей и утрат от этого не было бы никакого толку. Попыталась подняться, но перед глазами все поплыло, земля начала уходить из-под ног, и она оказалась на четвереньках, борясь с тошнотой.

– Господи, Алар, ты давно ела? – Жером присел рядом, коснувшись ее плеча.

– Вчера? – силилась припомнить она, но куда там, целые дни сливались в памяти сплошной чередой.

– Держи, – тяжело вздохнул Жером, сунув ей под нос что-то напоминающее засохший кусок колбасы. – Ешь. Черт, еще тебя не хватало в списке потерь.

Эстель села на пятки и подчинилась. Потом взяла предложенную фляжку и отхлебнула немного тепловатой воды.

– Ты спала?

– Достаточно.

Урвала час с небольшим между полуночью и двумя. Сейчас было не до сна.

Туман перед глазами рассеялся, тошнота отступила, хотя ком в горле никуда не делся, как и застарелая ноющая тоска, засевшая глубоко в груди. Она в последний раз коснулась руки Алена.

– Знакомый?

Красные усталые глаза Жерома неестественно яркими пятнами выделялись на покрытом копотью и грязью лице.

– Да, – с трудом выдавила она.

– Кто?

– Брат Рашель.

Чуть не сказала «мой брат». Он и был ее братом во всех отношениях, только что не по крови. Хотя, судя по ее опыту, когда дело касается семьи, кровное родство не главное.

– Жена осталась. Ханна. Дочка, три года. Авива.

– Черт, – Жером склонил голову и повторил: – Черт.

– Я сама скажу Рашель.

– Давай, Алар, – буркнул он. – Беда-то какая.

Эстель вернула фляжку.

– Да уж...

Жером выпрямился и подал ей руку, помогая встать. «Какие у него хорошие глаза, – машинально отметила она, принимая помощь, – цвета плавленной карамели, спокойные и...»

За санитарной машиной вдруг раздался взрыв, и Эстель распласталась на животе под градом земли и обломков, взметнувшихся вверх словно после извержения гейзера, накрывшего их с Жеромом и ранеными. Что-то обожгло лицо возле виска, но она не обратила внимания.

– Проклятые боши! – заорал Жером в сторону линии фронта. – Сволочи, уймитесь хоть на минуту, дайте поработать, черт побери!

Эстель с трудом поднялась на ноги. По щеке текло что-то теплое, и она раздраженно утерлась рукавом.

Жером обернулся и бросил ей пустой бикс.

– Поезжай, – хриплым от крика голосом велел он, стряхивая обломки с плеч. – Привези побольше бинтов, а то приходится убитых раздевать, чтобы форму на повязки пустить. Так долго не продержаться.

Эстель взяла коробку и бросила в кабину, потом вернулась помогать грузить выживших в кузов.

– Возвращайся скорее, – пропыхтел Жером, с грохотом захлопывая борт. – Пожалуйста.

– Хорошо, – ответила она. – Смотри не умри тут без меня.

– Взаимно, Алар.

Эстель вскочила в кабину и выжала сцепление. Мотор натужно взревел, и автомобиль, немилосердно сотрясаясь всем корпусом, тронулся с места. Какой-то солдат в кузове закричал от боли. Она вывела машину на неровную дорогу и прибавила газу на подъеме, стараясь ехать как можно быстрее. Но уже где-то через полмили пришлось ползти как черепахе из-за толпы беженцев с неумолимо приближавшейся линии фронта. Большинство передвигалось пешком, многие с детьми на руках.

У некоторых были тачки или запряженные собаками тележки. Самые везучие ехали на телегах, запряженных лошадьми, волами или на велосипедах, а впереди виднелся даже трактор, изрыгающий клубы черного дыма. Лица у всех были усталые и испуганные.

Еще несколько мучительных минут она тащилась по дороге, потом свернула на обочину и погнала через поле по тропе, вытопанной скотом.

Прорвавшись сквозь живую изгородь, она оказалась совсем рядом с самым новым полевым госпиталем, только вчера развернутым в брошенном скромном особняке. Операционные оборудовали в кухне и бывшей гостиной. В остальных помещениях все свободное место занимали раненые в ожидании своей участи – выжить или умереть.

Машина зачихала и остановилась у амбара и пустых загонов для скота. Военные в форме вышли встречать Эстель. Они выгрузили раненых, но не понесли их в особняк, а направились к амбару.

– Погодите, – запротестовала она. – Им нужно в дом. Им нужен врач.

– Там уже нет места, – пробормотал военный, перехватывая носилки. – Дом переполнен. И всем нужен чертов врач.

Глядя им вслед, Эстель бессильно опустила на край открытой сзади машины. Она положила голову на руки, крепко закрыв глаза ладонями. Она устала. Очень устала.

Эстель заставила себя поднять голову. Она никогда не пасовала перед трудностями, не собиралась и сейчас, после того как Ален и его товарищи пожертвовали всем ради нее и своей страны.

Вернувшись в кабину, проверила горячее. Осталось совсем мало, сгонять до передовой и обратно не хватит.

Эстель встала. Может, за последний час кто-нибудь нашел горячее или привезли запасы из...

– Эстель!

Услышав свое имя, она оглянулась и увидела бегущую навстречу Рашель, растрепанную и в грязи с головы до пят. Увидев подругу целой и невредимой, Эстель облегченно вздохнула, но тут же опечалилась и с трудом сглотнула.

– Эстель, – повторила Рашель и крепко ее обняла. – Я так беспокоилась. Говорят, шальные снаряды в тыл залетали и... – Она отстранилась. – Ты ранена.

Рашель потянулась к виску Эстель, и ее пальцы обагрились кровью.

– Пустяки, – прошептала Эстель.

Слезы, которые она сдерживала перед Жеромом, сейчас ручьем хлынули по щекам.

– Что? Что случилось?

Эстель хотела ответить, но не смогла выдать ни слова.

Рашель отшатнулась.

– Ален?

Эстель кивнула.

Ее подруга схватилась за дверцу перевозки.

– Он?..

Похоже, и у нее язык не повернулся такое сказать. Как будто замалчиванием можно что-то изменить.

– Мне очень жаль, Рашель. Очень.

Рашель пошатнулась и рухнула как подкошенная на край машины.

Эстель, глядя на застывшую в молчании подругу, мучительно пыталась сообразить, как ей помочь, что сказать.

Через несколько секунд Рашель встрепенулась и подошла ближе к подруге.

– Сколько у тебя осталось горючего?

– Что? – удивленно встряхнула головой Эстель.

– Сколько у тебя горючего? Моя машина не на ходу, лопнула передняя ось, когда я...

– Рашель, – перебила ее Эстель. – Ты что надумала?

– То, что одобрил бы Ален, – ответила та дрожащим голосом. – Там остались люди, его товарищи, соратники, которые сражаются до сих пор. Им нужна наша помощь. Он бы не хотел, чтобы мы сейчас расставались.

Она крепко стиснула руку Эстель.

– Рашель...

– Сейчас плакать не буду, – сказала она и сильнее сжала руку Эстель. – Если начнешь, то не остановишься. А сейчас не до этого. Нужно найти горючее.

– Да.

Рашель отпустила ее руку.

– Нужно возвращаться к Жерому.

Обе женщины пошли через двор, обходя пристройки. Но пройдя какой-то десяток шагов, Эстель вдруг обратила внимание на непривычную тишину во дворе и остановилась. Кругом брошенный транспорт, все посты опустели. Краем глаза она заметила молодого солдата, бегущего к сараю.

– Что происходит? – крикнула она.

– Сообщение по радио, – ответил он, замедляя ход. – Правительственное.

Подруги переглянулись, и впервые за долгое время перед ними промелькнула надежда. Эстель поспешила вперед в надежде услышать долгожданную новость. О том, что каким-то чудом удалось собрать новые силы, и скоро подтянется подкрепление, что проклятых бошей отбросят туда, откуда пришли, и их, казалось неуправляемый, натиск будет остановлен, пока еще не поздно.

Двери сарая были распахнуты, и Эстель с Рашель вошли вовнутрь. Справа вдоль стены на соломе лежали раненые. Ближайший к ней с ампутированной ниже колена левой ногой стонал и бредил. Остальные лежали без движения, лишь провожая ее измученными, полными боли взглядами.

В дальнем углу сарая около стоящего на бочке радиоприемника с длинной антенной, тянувшейся через сеновал на крышу, сгрудились люди в форме разных родов войск. Эстель ускорила шаг от нетерпения услышать сообщение, Рашель не отставала.

Но только они дошли до цели, кто-то выключил радио, и в сарае воцарилась гробовая гнетущая тишина, нарушаемая только стоном раненого у двери.

Эстель вздрогнула. На лицах людей отразилась широкая гамма эмоций – от печали до испуга, от ярости до отчаяния. Один солдат, совсем пожилой, наверное, побывавший в схватке с немцами двадцать лет назад, не смог сдержать слез.

Она схватила за руку ближайшего медика.

– Что случилось?

– Мы капитулировали.

Эстель растерянно уставилась на него.

– Не понимаю.

– Рейно ушел в отставку, премьером стал Петен и первым делом запросил у немцев перемирия.

– Не может быть!

Значит, все жертвы и лишения последних месяцев оказались напрасными. В том числе и смерть Алена.

– Может.

Медик вырвал руку и двинулся прочь.

У Рашель вырвался сдавленный вопль, и она рухнула на колени, зажав рукой рот.

Остальные постепенно расходились, и вскоре Эстель с Рашель остались одни, уставясь в пустоту, где только что была толпа, а теперь остались лишь пылинки, пляшущие в луче света, льющегося из открытого люка на сеновал.

А ведь генералы в сверкающих мундирах и политики в строгих костюмах уверяли Эстель и остальных, что Франция готова к войне с Германией. Заявляли, что Франция ответит на любые враждебные поползновения немцев сокрушительным ударом. Утверждали, что линия Мажино, изобилующая тоннелями, войсками и вооружением, совершенно неуязвима и непреодолима. А вторжение через Арденны или реку Мёз с тактической точки зрения просто невозможно. Франция никогда не падет.

Все это оказалось ложью.

Глава 4

Габриэль

ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ, 28 июня 2017 года

Габриэль Сеймур стал лжецом.

А все из-за электронного письма какой-то женщины, утверждавшей, что обнаружила картину кисти его деда, ни больше ни меньше! Без особых раздумий он уже собирался отправить сообщение в небытие, но тут на экране появилось изображение Милбрук-холла, его семейного поместья в Норфолке.

Картина на фотографии была выполнена в тех же однородных тонах, которыми отличалась манера деда, но сама композиция внушала оптимизм, все недостатки словно компенсировались голым энтузиазмом автора. Этот стиль Габриэль знал как свои пять пальцев, он всю жизнь провел среди десятков подобных картин, до сих пор висевших на стенах отчего дома.

В письме некая Аурелия Леклер сообщила, что освобождает от вещей квартиру, когда-то принадлежавшую покойной родственнице, спрашивала, известно ли Габриэлю, как картина могла попасть в Париж, и знакомо ли ему имя Эстель Алар. Кроме того, интересовалась, имеет ли эта картина какую-то ценность, так как фамилия художника, по ее словам, ни о чем не говорила, и пользуются ли его работы хоть каким-нибудь спросом.

В любом случае хранить картину мадам Леклер не собиралась, она была настроена совершенно бесплатно вернуть ее семье Габриэля, законным владельцам. И в конце письма приглашала его в Париж взглянуть на эту работу.

Из сообщения совершенно ясно следовало, что, во-первых, отправитель не нуждается в средствах, возможно, эта дама настолько богата, что о приумножении своего состояния даже не задумывается. А во-вторых, незнакомка абсолютно не разбирается в искусстве. В последнем он окончательно утвердился, когда за веселеньким пейзажем разглядел на приложенном снимке еще одно полотно.

С него на зрителя смотрела обнаженная женщина, и даже при неважном качестве снимка в глаза бросались энергичная манера и тщательно продуманные тона. По жилам молнией пронеслось сладостное предвкушение редкой находки, и телефон чуть не выпал из рук. Через несколько мгновений Габриэль уже бронировал билет на ближайший утренний рейс из Лондона в Париж на поезд компании «Евростар». Габриэль по многолетнему опыту знал, что даже при полной уверенности в принадлежности работы определенному автору не стоит делать громких заявлений, пока не проверишь лично самым скрупулезным образом. Ложные надежды владельца произведения искусства еще никогда до добра не доводили. И поэтому он лишь сообщил мадам Леклер, что хотел бы как следует рассмотреть небольшой пейзаж.

Солгал. Без зазрения совести. Потому что, если тот холст с обнаженной натурой оправдает его предположения...

Поднимаясь по крутой улице, Габриэль еще раз сверил адрес, сохраненный в телефоне. Ему всегда нравилась энергичная атмосфера Девятого округа Парижа, вся эта деловая суэта множества международных компаний, чьи офисы аккуратной вереницей выстроились вдоль просторных бульваров. После реконструкции в девятнадцатом веке при бароне Османе старый Париж из беспорядочного лабиринта мрачных узких улочек превратился в роскошный город со светлыми просторными бульварами, увенчанный жемчужиной – Оперой Гарнье, которую не раз посещал Габриэль. Дом, где жила мадам Леклер, был построен в то же время, прекрасное

здание из местного известняка с кремовым трехэтажным фасадом, украшенным одинаковыми окнами и идеально выстроенными балконами.

Войдя в здание, Габриэль поправил сумку, висящую на плече, и в радостном волнении направился вверх по лестнице. Его работа большей частью была монотонной и кропотливой, но в такие моменты казалось, будто он, подобно Индиане Джонсу, охотится за очередным утраченным сокровищем.

Поднявшись на площадку, он протянул было руку к бронзовому молоточку на двери мадам Леклер, но обернулся на звук открывшейся сзади двери, сопровождаемый яростным визгливым тьявканьем.

Из квартиры напротив появилась пожилая дама со зловеще-броской помадой на губах в модном полвека назад платье в цветочек.

В руке она сжимала трость, а под мышкой держала извивающуюся собачонку.

– Что вам нужно? – требовательно осведомилась она.

– Прошу прощения? – удивился Габриэль.

– Ни минуты покоя, – нахмурилась дама, отчего жирно подведенные глаза стали похожи на жуткие черные прорези. – Что вы тут забыли?

– Вас это не касается, – вежливо ответил он.

Собачонка зарычала и вновь залилась яростным лаем. Габриэль нахмурился.

– Небось к этой девице пожаловали, – женщина повысила голос, перекрикивая тьявканье.

– Вот именно, – донесся чей-то голос из-за спины Габриэля.

Обернувшись, он увидел одетую в ярко-красный сарафан женщину с длинными каштановыми волосами, собранными в небрежный хвостик.

На губах ее играла едва сдерживаемая улыбка.

– Мадам Леклер? – от удивления выпалил он.

Почему-то из их краткой переписки у него сложился образ педантичной суровой матроны, занимающейся куплей-продажей недвижимости.

– Каюсь, – ответила она. – Я Аурелия, но все зовут меня Лией. А вы, наверное, мистер Сеймур.

– Да. Но зовите меня Габриэль.

Тут до него дошло, что так пристально разглядывать новую знакомую не совсем прилично, и, отведя взгляд, он протянул руку.

– Очень приятно.

Лия ее крепко пожала, и он со странной неохотой отпустил теплую ладонь.

– А это мадам Хофман, соседка.

– Мое почтение, – с легким кивком выдавил он.

Старушечья стукнула тростью по полу.

– Видала я таких! – рявкнула она, оглядывая его спутанную шевелюру и чернила на руках. – Нечего тут ошиваться. Здесь порядочные люди живут, это вам не какой-нибудь притон для полоумных художников и наркоманов.

– Ничего себе... выпад, – заметил Габриэль, еще не определяясь, то ли веселиться, то ли разозлиться на старую каргу.

– Это еще не все, – шепнула по-английски Лия. – Как появится летучая обезьяна³, бегите без оглядки.

– Думаете, можно спастись от летучей обезьяны? – шепнул он.

– Мне бы только вас перегнать.

Габриэль засмеялся, и извивающаяся собачонка снова захлебнулась неистовым лаем.

³ Обезьяны с крыльями из сказки Ф. Баума «Волшебник страны Оз».

– Входите, пожалуйста, – громко повторила Лия, перейдя на французский, и посторонилась, пропуская Габриэля.

Он не мешкая прошмыгнул в квартиру, сопровождаемый злобным рычанием и лязгом зубов собачонки.

Лия вздохнула.

– Всего хорошего, мадам...

– Имейте в виду, я могу устроить, чтобы вас отсюда выселили, – не унималась соседка. – Есть кое-какие связи...

– Доброго дня, мадам Хофман, – пожелала Лия и захлопнула за собой дверь.

– Очаровательная особа, – заметил Габриэль, прислушиваясь к доносящемуся из-за двери тьяканию.

– По-моему, она вполне безобидная. Одинокая просто. Как говорила моя *grand mère*: «Брехливой собаки не бойся, а соседа-молчуна берегись».

Лия прошла в комнату, оставив после себя легкий аромат жасмина.

– Первый раз слышу.

Он огляделся, стоя в обшитой деревянными панелями прихожей.

– Индейская поговорка.

– Ваша бабушка – американка?

– Нет, – Лия нахмурилась, но развивать тему не стала и просветлела лицом: – Благодарю за отзывчивость. Надеюсь, я не оторвала вас от дел?

– Вовсе нет, – Габриэль опустил сумку. – Вы меня заинтриговали.

Она даже не подозревает чем.

– Картина здесь.

Она наклонилась, чтобы достать небольшой пейзаж, прислоненный к стене около двери. И никаких следов холста с обнаженной натурой...

Лия подала Габриэлю картину.

– Узнаете?

При ближайшем рассмотрении потуги художника угодить зрителю стали еще очевидней, чем на фотографии, но сюжет картины не узнать было нельзя. В правом нижнем углу был замысловатый автограф «Уильям Сеймур».

– Это Милбрук-холл, наше родовое поместье уже несколько веков. Подпись моего деда. Такие пейзажи он десятками писал, и на всех Милбрук.

– Так он художник?

– Просто состоятельный землевладелец, не особо обремененный заботами, любитель искусства, – признался Габриэль. – Всегда мечтал устроить выставку своих работ.

– И как, получилось?

– Только у себя в столовой, как ни возмущалась супруга. – Габриэль криво улыбнулся. – По крайней мере, так говорят.

Лия улыбнулась в ответ.

Габриэль перевернул картину. На обороте не было ни единой пометки, способной пролить свет на то, как картина попала сюда.

– Пейзаж принадлежал бабушке, – объяснила Лия, словно прочитав его мысли. – До сих пор ума не приложу, как она его заполучила.

– Гм, – Габриэль перевернул картину лицом к себе.

– Так вам ничего не говорит имя Эстель? Эстель Алар?

Он покачал головой.

– К сожалению, нет. Перед отъездом я созвонился с отцом, он тоже не слышал такого имени. Собирается при первой возможности спросить деда.

– Он еще жив? Тот самый Уильям, что это написал?

– Да. Ему девяносто восемь, годы, конечно, берут свое в смысле здоровья, но он еще в здравом уме. Может, мы получим ответ.

Габриэль взглянул на Лию.

– Эстель Алар была вашей бабушкой?

– Да. Она скончалась как раз в этом возрасте. Девяносто восьми лет.

– Вы были с ней близки?

Лия вздохнула и потеряла маленький кулончик на шее, на котором сверкнули три крохотных красных камешка, инкрустированных в эмалевую поверхность.

– Пожалуй... Насколько это возможно с не очень общительным человеком.

Ей вдруг стало явно не по себе, и она осеклась.

– Я думала, что хорошо ее знаю. А теперь она мне кажется совершенно незнакомой.

Габриэль не нашелся, что на это ответить.

– Простите. Не обращайтесь внимания на мою болтовню. Как вы считаете, ваша семья захочет вернуть картину? Может, с ней связаны какие-нибудь трогательные воспоминания?

– Благодарю за предложение, но картина безусловно принадлежала вашей бабушке. Она ваша. Можете ею распорядиться как угодно.

Он вернул ей маленький пейзаж, размышляя, как бы невзначай завести разговор о заветном холсте. Черт возьми! Он не уйдет, не разглядев его как следует!

– Скажите, а как вы меня нашли?

– Через ваш сайт, – она окинула его проницательным взглядом карих глаз. – Вы ведь оценщик произведений искусства.

– Да. Более десяти лет. А еще занимаюсь реставрацией.

Если она нашла его веб-сайт, то и об этом знает.

– Картин, – уточнила она. – Специализируетесь на произведениях ранних модернистов.

– Но приходилось сталкиваться с работами пятнадцатого века и более поздними. Я также реставрирую мозаику и фрески, хотя в случае особо ценных произведений обычно рекомендую клиентам более опытных специалистов. Хватает ума понять, где могу не справиться.

– Может, расскажете, что за клиенты?

Габриэль внезапно усомнился в своей первоначальной оценке познаний этой женщины в области искусства – уж очень здорово этот разговор начал походить на собеседование.

– Страховые агентства. Аукционные дома. Музеи. – Скрестив руки на груди, он сухо добавил: – Желаете их обзвонить, навести справки?

Она сцепила перед собой руки и потупилась.

– Вообще-то... уже.

Вот так неожиданность.

– И многих успели?

– Всех.

– Ого!

Час от часу не легче.

– Вас рекомендуют с самой лучшей стороны. И я практически убедилась, что вы не маньяк-убийца.

– Ну что ж, и на том спасибо.

– Должна признаться...

– Признаться?

Она поставила пейзаж на место.

– На самом деле я вас пригласила не ради картины деда. Точнее, не только из-за нее.

Вот так ирония судьбы, просто обхохочешься.

– Сначала я искала вашу фамилию, – подняв глаза, продолжила Лия. – Представьте себе, этот самый пейзаж хранился в банковской ячейке, о существовании которой я узнала только

после смерти бабушки. И я понятия не имею почему. Не в обиду вашему деду будь сказано, – торопливо добавила она.

– Какие могут быть обиды?

– В завещании было особо упомянуто, что эта картина переходит ко мне.

– Надо же, – только и сумел вымолвить он.

– Я попыталась во всем разобраться, вот и показалось логичным начать с ваших родственников. Вопросов накопилось столько, что я подумала: вдруг кто-нибудь из вас поможет заполнить пробелы. А когда узнала, чем вы занимаетесь, это был просто подарок судьбы, вот и решила, а вдруг. – Она остановилась. – Здесь много других картин. Я пытаюсь их опознать, как-то упорядочить, но... – она глубоко вздохнула. – Что-то меня занесло. Давайте начну по порядку. Ума хватает понять, в чем не разбираюсь, – передразнила она его. – Здесь много неизвестных картин, вот я и понадеялась вас привлечь для их оценки.

Габриэль постарался не выдать внутреннего ликования, уж больно невтерпеж было как следует рассмотреть тот портрет. Он бы согласился и задаром, но получить еще и гонорар... в это было трудно поверить.

– А почему вы не решились отправить эти картины местному оценщику? – задал он вполне резонный вопрос, пытаясь разобраться, что же на самом деле происходит, и добавил: – Сам-то я, конечно, совсем не против.

– Их нежелательно куда-то отправлять. Дело довольно деликатное.

Она бросила на него какой-то странный взгляд.

– Не понимаю.

– Наверное, вам лучше увидеть все своими глазами.

– Хорошо.

– Идемте.

Лия пригласила его в комнату.

Квартира больше напоминала невероятное послание из прошлого, словно сошедшее со страниц учебника истории, призванное поражать воображение изобилием и роскошью. Изысканная мебель и ковры были из тех, что до сих пор пользуются особым спросом на самых эксклюзивных аукционах.

В дальнем углу комнаты над широким камином виднелась мраморная полка, уставленная старинными статуэтками из нефрита. По бокам от него до самого потолка высились два книжных шкафа, мерцающие в лучах солнца золочеными кожаными корешками, невольно заставляя задуматься, сколько же первых изданий выстроилось ровными рядами на этих полках.

И почти все стены сплошь увешаны картинами.

– Это просто...

Он тщетно силился подобрать слова, упиваясь этим великолепием, залитым солнечным светом и радужными отблесками люстры над головой.

– Ошеломляет?

– Не то слово.

– В таком виде она мне и досталась, – рассказала Лия. – Конечно, от пыли было не продохнуть, но окна оставались зашторены, так что ничего особо не выгорело. Я уже устроила генеральную уборку, старалась поаккуратней, картины даже не трогала. Начать лучше вот с этих.

Габриэль направился в сторону коллекции сельских и морских пейзажей на стене напротив окон, сразу выделив наметанным глазом две работы, явно отличающиеся манерой, так прославившей Джона Констебля. Похоже, только на одной этой стене висит целое состояние.

– В каком смысле «она вам так и досталась»? – переспросил он, наконец обратив внимание на её слова.

– По завещанию, – объяснила она. – grand mère мне ее оставила в наследство. Наверное, жила здесь с конца двадцатых до начала сороковых годов прошлого века. Нашлись письма, самые свежие от сорок третьего года.

– И с тех пор никто из ваших родственников в этой квартире не жил?

– Никто о ней даже не подозревал, – уточнила она, заправляя за ухо выбившуюся прядь. – Я сама до недавних пор была уверена, что grand mère всю жизнь прожила в Марселе.

– Понятно, – повторил Габриэль, окончательно запутавшись.

– Вот она.

Лия отошла к резному столику и протянула Габриэлю стоявшую там фотографию.

– Эстель Алар.

Габриэль неохотно оторвался от картин и, взяв фотографию, стал рассматривать. Он раньше видел старые афиши с изображениями кинозвезд вроде Оливии де Хэвилленд или Ингрид Бергман, и они не шли ни в какое сравнение с женщиной, прислонившейся к столбу на этой фотографии.

– Потрясающая женщина, – ничуть не кривя душой, признался он.

– Да уж, – без особого энтузиазма согласилась внучка.

Фотографий Эстель Алар было несколько. На одной она сидела за рулем автомобиля, на другой – верхом на холеной лошади.

– Похоже, она была сорвиголова, – заметил Габриэль.

– Нет, – пробормотала Лия. – Всего нет. Grand mère, которую я знала, выращивала лилии, подкармливала бродячих кошек в парке через дорогу и каждое утро одна гуляла по пляжу. В последний вторник каждого месяца соседи приглашали ее сыграть в бочче⁴, но она всякий раз отказывалась. Говорила, что в общении не нуждается и вообще не выносит шумных компаний. Машину не водила, не курила, не пила. Ровно в восемь вечера ложилась спать. Предпочитала высокие воротнички, удобную обувь и свободные брюки из синтетики.

– Снимок сделан давным-давно, – заметил Габриэль, возвращая фото. – Люди с годами меняются.

Лия только невнятно хмыкнула.

– А это кто?

Габриэль взял фотографию офицера в старинной немецкой форме.

– Понятия не имею. На обороте никакой надписи, – она поморщилась. – Думаю...

И замолчала, стиснув руки перед собой.

– Так что вы думаете? – спросил Габриэль.

– Думаю, что бабушка во время войны сотрудничала с фашистами.

– Из-за этого?

Судя по фотографии, которую он держал в руках, особо удивляться было нечему.

– Не только. Еще сохранились пронацистские журналы. Счета из баров в отеле «Риц».

Открытка от самого Геринга.

Он поставил фотографию на место.

– Думаю, не стоит делать поспешные выводы, – заметил он. – Возможны и другие объяснения.

– Вы очень добры, я и сама себя пытаюсь убедить. Но по опыту знаю: не стоит слишком мудрить.

Она пыталась улыбнуться, но получалось плохо.

– Против фактов не попрешь. Похоже, как раз поэтому бабушка скрывала и квартиру, и все ее содержимое. Кому в здравом уме придет в голову признаться в предательстве?

Повисла неловкая пауза.

⁴ Игра с мячом на точность, близкая к боулингу.

- И это ещё не все, – явно через силу наконец добавила Лия. – В смысле, картины.
- Так покажите же.

Кивнув, она проводила его в комнату, служившую столовой, и молча указала на длинную стену, увешанную картинами.

Габриэль проскользнул мимо нее к новой обширной коллекции. От разнообразия портретов захватывало дух, среди изобилия работ девятнадцатого и двадцатого веков попадались и гораздо более старинные. Среди них совершенно точно был Джон Сингер Сарджент, и по крайней мере пара блестящих работ Иоганна Генриха Фюсли. Без тщательного обследования Габриэль даже не отважился строить предположения насчет других.

– Если картины краденые, вы сможете определить, откуда именно? Или у кого? – спросила Лия.

Габриэль взглянул на нее, силясь подобрать слова, чтобы как-то успокоить, но в конце концов решил сказать правду.

– Если они украдены... что весьма сомнительно... я не могу дать гарантии, что у меня получится найти всех хозяев. В те годы многие семейства вымирали целиком. Установить законного владельца при отсутствии наследников чаще всего невозможно. Но я попытаюсь.

– Хорошо, – едва слышно одобрила она.

– Может, вам станет легче, но мне пока ничего не попало из каталогов утраченных или украденных картин. Хотя это не моя специализация, но я немного знаком со списком самых разыскиваемых картин мира.

– Это уже обнадеживает, – слабо улыбнулась Лия.

– Ещё картины остались? – закинул удочку Габриэль, так и не увидевший интересовавшее его полотно.

– Только одна. Совершенно не похожая на остальные.

– В этой квартире? – постарался он скрыть волнение.

Лия кивнула, проводила его к спальне и распахнула настежь застекленные створки дверей. Сквозь легкие полупрозрачные занавески из пары высоких окон в комнату сочился неяркий рассеянный свет. Габриэль вскользь заметил широкую кровать и напротив нее огромный шифоньер. И застыл на месте – перед ним было полотно, ради которого он сюда и явился.

И в голове вертелась единственная мысль – вот он, Святой Грааль, который искал Индиана Джонс.

Глава 5

Лия

ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ, 28 июня 2017 года

Лия не была искусствоведом, но ощущала страсть, заключенную в каждом смелом мазке. Всякий раз, смотря на эту картину, она замечала что-то новое – неуловимый оттенок или пропущенную ранее мельчайшую подробность. Она провела много времени, рассматривая картину и размышляя, какие события разворачивались в этой квартире под строгим взглядом незнакомки на холсте.

Сейчас Лия оперлась о стену, изучая эксперта. При виде картины Габриэль Сеймур остолбенел на пороге, так что Лия даже забеспокоилась, дышит ли он вообще.

Он оказался совсем не таким, как она себе представляла, когда посылала первое письмо. Судя по внушительному перечню регалий и научных достижений, перечисленных на сайте, и безупречных восторженных рекомендаций, полученных от аукционных домов «Кристис» и «Сотбис», она ожидала кого-нибудь постарше, посолиднее. Чопорного. Может, даже с галстук-бабочкой. А тот, что сейчас опустился на четвереньки перед завораживающей картиной, больше походил на ударника из инди-группы.

– Офигеть! – вырвалось у него, но он тут же спохватился. – Прошу прощения.

– Не извиняйтесь, – сказала Лия. – Лучше соглашайтесь работать. Помогите определить эти картины.

– Согласен, – выдохнул он. – Господи, ну конечно. Можете считать маньяком, но теперь меня отсюда даже с группой захвата не выкуришь. – Он окинул взглядом полотно. – Полагаю, это Мунк.

– Согласна. Его инициалы на полотне внизу слева. Только я не смогла найти никаких подтверждающих источников или документов. Собственно говоря, ни малейшей зацепки, – пробормотала она.

– Кем, вы говорите, работаете? – резко вскинул голову он.

– Я не говорила, – она наклонила голову. – Но раз вы спрашиваете, я инженер-химик.

– Достаточно сведущий в истории искусств?

– Вряд ли. В математике гораздо лучше, чем в модернизме. Интернет порой выручает, но даже умея гуглить, большим специалистом не станешь. Поэтому я вас и пригласила. И, кажется, поэтому вы так скоро примчались.

Взгляд серых глаз пригвоздил ее на месте.

– Так вы нарочно сняли присланный пейзаж на фоне этой картины?

– Ну конечно.

– Какое дьявольское коварство!

– Слыхала я обвинения и похлеще. Но ведь подействовало?

– Еще бы.

– И хотелось бы знать, не украдена ли картина, впрочем, как и все остальные.

– Понимаю, – Габриэль все еще сидел перед картиной на корточках. – Если вы не против, я бы договорился о переправке всей коллекции в мою студию в Лондоне.

– Но их так много.

– Ничего страшного. Мне уже приходилось перевозить коллекции гораздо крупнее этой. Там я смогу установить подлинность и, если понадобится, проконсультироваться с коллегами.

Пока суд да дело, картины лучше держать в надежном месте. И по крайней мере их нужно застраховать.

– Конечно.

Об этом Лия не подумала.

– Когда картины доставят ко мне, я бы хотел обсудить с вами на месте дальнейшую судьбу каждой из них. Без бумажной волокиты никак не обойтись, так что по возможности нам желательно этим заняться вместе. У вас найдется время приехать в Лондон?

– Да, – ответила Лия. – Я только что закончила работу по контракту, есть новое предложение в Севилье, которое мне не хочется упустить, но до начала собеседований еще несколько недель. Из-за смерти бабушки я не пыталась найти работу между контрактами. И, кажется, правильно сделала.

– В Севилье? – приподнял бровь Габриэль.

– Я консультирую. То есть выезжаю на место и работаю сколько нужно заказчику. В Париже подолгу не бываю.

– Ну теперь вам будет легче подбирать работу. Если окажется, что это подлинный Мунк, то при желании за него можно выручить целое состояние.

Он провел пальцем по рамке.

– Может оказаться, что я не вправе его продать, – тихо сказала она. – В таком случае я хочу его вернуть законному владельцу.

– Давайте решать проблемы по мере их поступления, – выпрямляясь, ответил Габриэль. – Кстати, странное дело, – задумчиво добавил он, не отрывая глаз от полотна.

– О чем вы?

– Это единственная работа экспрессиониста. Она не вписывается в остальную коллекцию. – Он повернулся к ней. – Других похожих вам не попадалось?

– Нет, – беспомощно всплеснула руками Лия.

– В этой комнате не было произведений искусства? – он медленно осмотрелся вокруг.

– Картин не было. Зато нашлось неприлично много винтажных нарядов от кутюр. Большую часть я пожертвовала Пале Гальера и Музею декоративного искусства.

Она показала на арочный вход рядом с шифоньером.

– Гардеробная была битком набита.

Габриэль оставил картину и нырнул в небольшую комнатку.

– Гм.

– Что значит «гм»?

Лия последовала за ним и остановилась у входа.

Габриэль разглядывал стены опустевшей гардеробной.

– Нацисты считали художников вроде Мунка дегенератами, что не мешало им самим красть их работы, но большинство картин либо продавалось на международных аукционах, либо уничтожалось. За все годы работы мне довелось оценить и реставрировать лишь с полдесятка полотен, спрятанных от нацистов в подвалах, амбарах и на чердаках.

Он достал мобильник и фонариком осветил заднюю стенку.

Лия нахмурилась. На что это он намекает?

– У меня нет ни чердака, ни подвала, ни амбара.

– Нет. Зато есть подозрительно маленькая гардеробная.

– Что?

– На задней стене гардеробной нет штукатурки. Там окрашенное дерево.

– И что?

– Идите сюда, – не оборачиваясь, поманил он.

Подойдя ближе, она разглядела зазор между задней стеной и полом.

– Это перегородка, – сообщил он и, осветив фонариком стену, обнаружил стык двух панелей ровно посередине. – Когда ее установили, не знаю, но стена не капитальная.

– Вы серьезно предполагаете, что за ней тайник?

– Вполне возможно.

Он сообщил это так обыденно, словно они болтали о погоде.

– Для чего? – недоверчиво спросила она.

– Откуда мне знать? Хотите выяснить?

– Ну...

Он схватил ее за руку и сунул в ладонь телефон.

– Сейчас принесу инструменты.

И, не дожидаясь ответа, умчался прочь, а через полминуты вернулся с сумкой.

– Ну-ка посветите вот сюда, – попросил он, опускаясь на четвереньки и разглядывая щель между стеной и полом.

– И часто вы с таким сталкиваетесь? – неуверенно поинтересовалась Лия. – С тайниками и тому подобным?

– Сегодня впервые, – глухо ответил он, просовывая какую-то плоскую пластину в щель под левой панелью.

Она присела рядом с ним, руками чувствуя тепло его тела. Хорошо, что он здесь.

– А если...

Раздался тихий щелчок, и панели вдруг разошлись.

– Ага, она просто сдвигается в сторону.

Они оба поднялись на ноги, Габриэль просунул пальцы в щель и вопросительно взглянул на Лию, ожидая ее одобрения, прежде чем открыть панель.

Как и предполагал Габриэль, в гардеробной оказался тайник, и при виде его содержимого в луче фонарика Лия пошатнулась и вскинула руку, чувствуя, как сердце ухнуло в пятки. На полу и единственной полке стояли десятки картин всевозможных размеров без рамок, видимо для экономии места. Судя по выступающим краям самых крупных полотен, здесь находились работы экспрессионистов и импрессионистов.

Разительный контраст с теми, что висели на стенах квартиры.

Габриэль вынул вторую панель и поставил за спиной рядом с первой. При дополнительном освещении груда картин показалась ещё больше.

– О боже, *grand mère*, что ты наделала? – прошептала Лия.

– Не стоит себя накручивать, – возвращаясь к ней, тихо сказал Габриэль,

– А как же иначе? – она взглянула на него, чувствуя, как зашипало в глазах от наворачивающихся слез. – Черт возьми, ну зачем женщине, которую благодарил сам Герман Геринг, скирдовать в тайнике картины, если они не награблены?

Она сунула телефон Габриэлю и бросилась прочь из гардеробной, подальше от жутких тайн. Остановилась перед шифоньером, пытаясь отдышаться от отчаяния и боли, сдавившей грудь.

– Лия.

Она не слышала, как он вышел следом за ней.

– Извините. Это все так... просто... – она постаралась собраться с мыслями. – Кошмар какой-то. Чудовищно.

– Послушайте!

Он снова схватил ее за руку и мягко развернул.

– Как бы то ни было, что бы ни совершила ваша бабушка, к вам это не имеет никакого отношения. Вы тут ни при чем. Даже в самом худшем случае вы ни в чем не виноваты. Понятно?

Лия с несчастным видом кивнула, глядя на их переплетенные пальцы.

– Извините.

– Не извиняйтесь. Право же, не стоит. Такое потрясение кого угодно выбьет из колеи.

– Хорошо, что вы рядом, – невольно вырвалось у нее, и она прикусила язык. Хотя это и правда, едва знакомому мужчине такое говорить не стоит.

– Я тоже рад.

Если ее признание и показалось странным или неуместным, вида он не подал.

– Ничего, разберемся.

Лия снова кивнула и высвободила руку, пытаясь прийти в себя.

Габриэль, кажется, колебался.

– Вам есть к кому... к кому обратиться за помощью? Братья, сестры? Родители?

– Ни братьев, ни сестер нет, – сказала Лия. – А родители... когда узнали о квартире, от радости, что не придется возвращаться во Францию, даже не поинтересовались, что в ней может оказаться. Так что это мои проблемы.

Она взглянула на него и попыталась приободриться.

– Ничего, справлюсь. Мне не впервой решать проблемы в одиночку.

– Вы не одна, – за твердым взглядом его серых глаз ей не удалось прочесть ни единой мысли. – На чьей бы стороне ни оказалась ваша бабушка, до истины будем докапываться вместе.

Глава 6

Эстель

ПАРИЖ, ФРАНЦИЯ, 12 сентября 1940 года

Когда немцы вошли в Париж, отель «Риц» был поделен пополам.

На самом деле он состоял из двух корпусов еще задолго до того, как над городом начали развеиваться красно-черные флаги, но когда нацисты реквизируют парижскую достопримечательность, фактическая обособленность приобрела общественное значение. Из вертепа для богачей, знати, богемы и интеллектуалов «Риц» превратился в официальную штаб-квартиру люфтваффе.

В половине, выходящей на роскошную Вандомскую площадь, которую когда-то занимали королевские особы и герцоги, обосновались высокопоставленные немецкие офицеры, включая главу люфтваффе Германа Геринга.

В другой части роскошного отеля, выходящей на улицу Камбон и отделенную узким проходом с магазинами, щеголявшими самыми дорогими, роскошными и диковинными товарами во всем Париже, жили гражданские, прошедшие скрупулезную проверку спецслужбами Третьего рейха.

Экспроприация отеля штабом люфтваффе не обошлась без неудобств для давнишних постояльцев, выселенных в номера поменьше и не столь роскошные. Некоторые гости съехали насовсем, оставшимся же до заселения люфтваффе пришлось пережить лихорадочный ремонт, сильнее всего затронувший императорский люкс, что Геринг облюбовал для себя. Впрочем, даже если кто-то из гражданских и был недоволен, в присутствии Эстель или военных об этом никто не распространялся.

В то же самое время в квартире Эстель Алар тоже завершался ремонт. Работы велись столь же спешно, но на этом сходство с отелем и заканчивалось. Кроме самой хозяйки, о них знал единственный человек, что отгородил укромный уголок комнаты и тщательно замаскировал.

В имперском люксе с его многочисленными салонами и спальнями, комнатами горничных и банкетным залом неустанно работало несколько бригад, совершенствуя роскошную атмосферу и выполняя прихоти нового хозяина.

После окончания ремонта в ответ на осторожные расспросы рабочие рассказывали о невероятно огромной ванне, установленной по приказу Геринга. Когда рейхсмаршал уже поселился в апартаментах, персонал отеля на бесхитростные вопросы отвечал гораздо откровеннее. По словам прислуги, несущей в люкс кипы полотенец и бесконечные подносы с едой, ванна использовалась для лечения генерала, пристрастившегося к морфию. По их словам, приходил врач, погружал его в воду, делал несколько уколов и снова окунал в воду. В отеле, где персонал давно привык невозмутимо и беспрекословно обслуживать придирчивых, взбалмошных постояльцев, эти перемены и требования, казалось, воспринимались как должное.

Такого рода услуги вкупе с попустительством снискали «Рицу» среди оккупантов ту же популярность, какой он пользовался у прежних клиентов. Даже родители Эстель были там частыми гостями, особенно когда устраивали званые вечера во время визитов в Париж. Им нравилось вращаться среди сливок общества, а благодаря огромному и к тому же нажитому во Франции состоянию семейства Алар им всегда были рады, как и их дочери. Эстель даже праздновала восемнадцатилетие в большом банкетном зале «Рица». Это был один из тех редких случаев, когда родители на ее день рождения оказались в Париже. Они устроили для дру-

зей званный вечер, потчевали Эстель икрой, подарили ей ожерелье из восемнадцати великолепных изумрудов в золотой оправе и изумрудно-зеленый спортивный «Мерседес» кабриолет в тон ожерелью.

В завершение вечера за именинницу подняли бокалы шампанского и произнесли тост, удостоверившись, что фотограф из «Пари-Суар» запечатлел торжественный момент. В конце концов, общественное мнение было превыше всего.

Так что возвращение в сентябре Эстель Алар, наследницы, светской львицы и покровительницы парижских пейзажистов, в банкетные залы и бары отеля «Риц» не вызвало удивления. В ее отсутствие в Париже до появления немцев не было ничего особенного – даже Коко Шанель некоторое время пропадала на юге, нельзя же осуждать за осторожность.

Новоприбывшие постояльцы отеля «Риц» с удовольствием любовались юной французской женщиной, дефилирующей по просторным гостиным.

Офицеры люфтваффе всегда ценили красоту парижанок.

Теперь это признание распространилось и на Эстель. По настойчивым просьбам набившихся в салон офицеров она подошла к фортепиано и спела «Буду ждать» Рины Кетти, песню, что пользовалась неизменным успехом у публики. То ли из-за роскошной и экстравагантной атмосферы отеля, то ли из-за слов и мелодии, но стоило ей запеть, как все разговоры стихли и взоры обратились к ней.

В том числе взгляд человека в кресле поодаль, словно сторонящегося других офицеров. Издалека в рассеянном свете было трудно разглядеть знаки отличия на темной форме, но от одного взгляда стало не по себе. Незнакомец был жилистый, с гладко зачесанными назад светлыми волосами и близко посаженными глазами на худощавом лице. Если взгляды других мужчин выражали целую гамму чувств, от восхищения до вожделения, от очарования до безразличия, то от этого человека веяло неприкрытым подозрением.

Она и не ожидала, что этот взгляд ее так встревожит.

Под бурные аплодисменты Эстель допела песню, чувствуя на себе пристальный взгляд военного. Не обращая на него внимания, она прошла к бару, покидая ярко освещенное место и ускользя от внимания одинокого мужчины. Сегодня лучше не задерживаться. Лучше уйти и вернуться в другой раз...

– Удивительно, почему такая прекрасная женщина одна.

«Черт! Надо было поторопиться».

– Добрый вечер, – Эстель застыла на несколько секунд в глупой улыбке, а потом соврала: – Прошу прощения, я не говорю по-немецки. Что вы сказали?

– Мне понравилась ваша песня, – перешел на французский военный.

– Благодарю.

Разглядев форму, она кокетливо наклонила голову. Судя по отсутствию галунов, наверное, сержант.

– Шарфюрер Шварц, – подтвердил он догадку, буравя ее холодным взглядом голубых глаз. – А вы?

– Эстель Алар, – ответила она, надеясь, что это всего лишь попытка одинокого вояки завязать разговор.

Она привыкла к знакам внимания офицеров люфтваффе, но манеры служащих в гестапо отличались обескураживающей напористостью и прямоотой. От гестапо так просто не отвяжешься.

– Вы здесь живете? В отеле? – спросил он, наклоняясь к ней.

– Увы, нет, – выдавила она беззаботный смешок.

– Тогда что здесь делаете? – без тени улыбки продолжал допытываться он.

– Как что? Разве сюда приходят не ради развлечений? – хихикнула она. – И чтобы полюбоваться на статных мужчин в форме.

Лицо шарфюрера осталось по-прежнему суровым.

– И часто вы здесь бываете?

– Когда хочется покрасоваться в новом платье.

Она внутренне съежилась от столь очевидно несерьезного ответа, но все-таки добилась той реакции, на которую надеялась.

Он пренебрежительно хмыкнул, но продолжил наседавать с вопросами.

– И при этом всякий раз поете?

Эстель смущенно моргнула и прижала руку к груди, с досадой ощущая бешено колотящееся под пальцами сердце. И потеряла изумрудное ожерелье на шее.

– Ну что вы, отнюдь. Только по просьбе публики.

Следя за ее рукой, Шварц даже не пытался скрыть усмешку.

– А точнее?

– К чему все эти вопросы? – с ноткой раздражения в голосе возмутилась она.

– Это моя обязанность.

– Шарфюрер Шварц, приставания к прекрасным дамам в ваши обязанности не входят, – раздался за спиной Эстель чей-то голос, избавляя ее от необходимости отвечать.

Там оказался офицер люфтваффе с парой бокалов шампанского, свирепо уставившийся мимо нее на гестаповца.

– Полковник Майер, – попятился тот.

– Как вы посмели выразить мадемуазель Алар что-то, кроме восхищения захватывающим выступлением?

Полковник небрежным движением, совершенно не вяжущимся с раздраженным тоном, поставил бокалы на полированную красного дерева барную стойку.

– Люфтваффе, в конце концов, крайне тщательно отбирают достойных быть гостями этого заведения. Понятно, шарфюрер Шварц?

– Так точно, – Шварц стиснул зубы и отступил еще на пядь.

– Отлично. Вы свободны.

Окинув Эстель напоследок подозрительным взглядом, шарфюрер развернулся кругом и отправился восвояси.

– Боже, какой неприятный тип, – охнула Эстель, чувствуя, как сердце только начинает успокаиваться.

– Примите мои извинения, мадемуазель, не обращайтесь на него внимания. Гестапо вообще не отличается приятными манерами, но этот Шварц просто из ряда вон, – насмешливо фыркнул он. – Честолюбивый ублюдок, вечно всем недоволен.

Эти слова не принесли Эстель ни малейшего облегчения. Напротив, тревога только усилилась.

– Если он доставил вам неудобства, могу ему сделать дополнительное внушение...

– Нет-нет, в этом нет необходимости, – поспешила заверить Эстель.

Не хватало еще привлекать к себе внимание гестапо.

– Не беспокойтесь. И вообще, я уже собиралась уходить.

– Уходить? Помилуйте, как можно! – он подвинул к ней бокал шампанского. – Немного погодя, вы еще должны нас порадовать своим пением. Никто не ожидал, что среди нас такая певунья. Недавно вы просто покорили самого рейхсмаршала.

– Я польщена, – постаралась искренне поблагодарить она. – Но, боюсь, мне уже пора. Скоро комендантский час.

– Чепуха, – усмехнулся сладкоречивый Майер, стряхивая невидимую пылинку с безукоризненно чистого рукава. – Приглашаю вас остаться в отеле. Будете моей гостьей, а завтра утром я провожу вас домой.

– Вы очень великодушны, правда.

И что она не ушла пораньше? Давно надо было убраться подальше от бара и этих людей и скрыться под покровом ночи.

– И все же я вынуждена отказаться.

– Жаль. Что ж, навязываться не стану, – он успокаивающе похлопал ее по руке. – Но если передумаете, только скажите.

Она взглянула на полковника из-под опущенных ресниц. Сколько ему?

На вид лет сорок с небольшим, дежурная улыбка на приятном лице. В других обстоятельствах показался бы совершенно обычным человеком, но здесь и сейчас – совсем другое дело.

Она взяла бокал, поднесла к губам и изобразила глоток, краем глаза поглядывая на бармена в белой куртке, невозмутимо смешивающего коктейль. Небось не в восторге от присутствия нацистов, хотя кто его знает. Зато наверняка держит ушки на макушке, так что лишнего лучше не болтать.

– Вы знаете, у меня к вам есть особый разговор, – вполголоса начала она.

– Вот как? – Майер снял очки и стал протирать стекла.

Эстель поставила бокал на блестящую барную стойку и сняла с шеи ожерелье.

– Может, рейхсмаршала и очаровало мое пение, но изумруды, кажется, понравились больше, – заметила она, кладя ожерелье на барную стойку.

На свету камни словно испускали неземное сияние.

– Он и правда равнодушен к таким драгоценностям, – согласился Майер.

– Когда он выразил желание заполучить ожерелье, – продолжила Эстель, преодолевая дрожь при воспоминании о пухлых, словно сардельки, пальцах у своего горла, – признаюсь, я ответила отказом, ведь это подарок родителей.

Да что за чушь она несет? Герман Геринг всегда получал что хотел. Рано или поздно эти изумруды пополнят его разбухающую коллекцию драгоценных камней, собранных со всего Парижа. Так почему бы не воспользоваться моментом?

Она придвинула ожерелье полковнику.

– Знаю, как вы стараетесь организовать слаженную работу штаба и порадовать рейхсмаршала, вот и подумала, может быть, вы передадите ему эти камни? Надеюсь, он оценит этот жест. Полковник водрузил очки на нос и окинул ее любопытным взглядом.

– Зачем вам это? Могли бы сами ему преподнести.

Эстель пожала плечами, и ее меховой палантин соскользнул с плеча.

– Я надеялась на ответную любезность.

– Например?

– Изумрудами сыт не будешь, – она наклонилась и понизила голос. – А целыми днями простаивать в очередях за пайками, которых вечно не хватает, удовольствия мало.

– Так переезжайте в отель! – горячо воскликнул Майер. – Составьте компанию Арлетти и Коко, Инге и Дейзи. Они живут на всем готовом, а вы чем хуже? Я лично прослежу, чтобы вы ни в чем не нуждались.

– Звучит заманчиво, – соврала Эстель, – но для меня нет ничего милее родного дома. У каждого свои недостатки.

– Какой же это недостаток? Можно только восхищаться женщиной, гордящейся своим домом. Может, скоро обзаведетесь супругом и собственной семьей?

– Это мое заветное желание, – старательно изобразила мечтательный вид Эстель.

Она прекрасно понимала, чего ожидали от женщин в Третьем рейхе.

Майер одобрительно кивнул.

– Я распоряжусь, чтобы на кухне вам ни в чем не отказывали. Столь прелестной даме не пристало беспокоиться о такой ерунде.

«Ничего себе ерунда – целый Париж на голодном пайке», – мелькнула тоскливая мысль.

В мире не хватит изумрудов, чтобы накормить всех голодных в Париже, но эти камни на стойке помогут спасти тех, кто на нее рассчитывает.

– Вы просто камень с души сняли, – прижала она руку к груди. – Благодарю вас.

– Нет, это я должен вас благодарить. – Он повертел ожерелье в руках, разглядывая со всех сторон, и положил обратно. – Только у меня есть встречное предложение, чтобы скрепить наш уговор.

– Да?

Эстель попыталась изобразить интерес, хотя хотела лишь поскорее скрыться от табачного дыма и смрада множества разгоряченных, щедро облитых парфюмом тел.

– Всего одну песню, – он вскинул руку, не давая ей возразить. – А потом я лично провожу вас домой. Не беспокойтесь о комендантском часе.

Как ни тяжело было расставаться с надеждами скрыться, не привлекая внимания, пришлось себе напомнить, сколь высоки ставки в этой игре, тут уж не до эмоций.

– Хорошо.

Майер сцепил руки в замок.

– Чудесно. Просто идеальный заключительный аккорд в конце столь успешного для люфтваффе и наших храбрых ребят дня. Можно сказать, торжественный финал.

– Вот как? – Эстель поправила палантин. – И что же мы такое празднуем?

Майер оглянулся.

– Наверное, не стоит рассказывать, но через несколько дней об этом будет написано во всех газетах, так что невелика беда.

Бармен отошел и теперь обслуживал шумную группу постоянных клиентов.

Эстель наклонилась ближе к полковнику, словно не желая упустить ни единого слова. Впрочем, так оно и было. Только о причинах он не догадывался. Добывая в этом отеле крупницы информации, Эстель не знала, пригодится ли она той организации, куда передавалась, и как ею можно воспользоваться. Уже несколько месяцев она сотрудничала с тем самым военврачом, Жеромом де Кольбером, с которым работала раньше, он познакомил с другими, но чаще всего приходилось встречаться с его сестрой Вивьен, агентом Сопротивления. Большую часть времени Эстель, казалось, занималась ерундой, передавая такие подробности, как количество и звания офицеров люфтваффе, поселившихся в отеле, имена женщин, согревавших им постель, или обрывки разговоров, подслушанных в барах и гостиных. Но все ее рассказы выслушивали с особым вниманием и с просьбой продолжать наблюдать и слушать.

Вот как сейчас.

– Мы уничтожили авиацию британцев.

Майер стиснул кулак и тут же растопырил пальцы, словно изображая взрыв бомбы.

– Стерли с лица земли. Ничего не осталось.

– Совсем ничего? – уточнила Эстель, стараясь изобразить удивление, но в душе содрогаясь то ли от ярости, то ли от отчаяния.

– Стерли в порошок, – с удовольствием ответил он.

Эстель только кивнула.

– Теперь рейхсмаршал приказал сровнять с землей Лондон. Никто нам не помешает выполнить приказ, так что скоро будем чествовать талант Геринга и праздновать капитуляцию Черчилля прямо здесь, в этом прекрасном городе. Война скоро закончится, я уверен. Через несколько дней, максимум недель.

Он поднял бокал в молчаливом тосте, с удовольствием осушил его и подал кельнеру знак повторить.

– По этому поводу мы с удовольствием послушаем ваше выступление.

«Лучше умереть», – подумала Эстель, но, как всегда, не дала улыбке увянуть на устах. Даже умудрилась еще раз кивнуть, попутно прикидывая, как бы успеть передать эту инфор-

мацию Вивьен до утра. Как знать, может, пока она потягивает в парижском баре изысканное шампанское, люфтваффе уже сбрасывает бомбы на Лондон безо всяких помех от разгромленных британских ВВС.

Вивьен или кто-то из ее организации поддерживал связи с Лондоном, потому что до них доходили новости о происходящем за границей Франции. Эстель надеялась, что рассказы Майера окажутся просто очередным винтиком в машине нацистской пропаганды.

– Может, немцы недооценили силы противника на том берегу пролива.

– Может, англичане просто тянут время.

– А может, эти жуткие красно-черные штандарты, заполонившие весь Париж, скоро вызовутся и над Лондоном.

Бармен поставил бокал перед полковником и кивнул в сторону Эстель.

О чем он думал, оставалось только гадать – отблеск стекол пенсне, примостившегося на переносице, скрыл выражение глаз. Еще одна неизвестная загадка.

Она отодвинула свой бокал по гладкой поверхности стойки.

– Может, мне...

– Полковник, – к Майеру подскочил взмыленный, словно после марш-броска, офицер и затараторил по-немецки: – Мне сказали, вы здесь.

– И зачем я вам понадобился?

– Я прибыл из Сен-Жермен-ан-Ле с пакетом для рейхсмаршала.

– Так ему и передайте, – раздраженно отмахнулся Майер.

– Не имею возможности, господин полковник. Вы не знаете, где он?

– Никак нет, – начал понемногу вскипать Майер. – Если его нет в банкетном зале или барах и гостиных, то он, скорее всего, у себя в люксе. А если так, его лучше не беспокоить.

Эстель с невозмутимым видом поставила сумочку рядом с бокалом и открыла застегжку.

Офицер переступил с ноги на ногу.

– Но у меня приказ передать ему лично в руки.

– Уж не знаю, что там понадобилось вашему назойливому фельдмаршалу, он наверняка может подождать.

– Но сообщение от самого фюрера.

– От фюрера? – ошеломился полковник.

– Прямым из Берлина. Фюрер требует от рейхсмаршала немедленного ответа. Мне приказано дожидаться и передать его шифровальщикам.

– Ну что за вздор гонять нарочными с донесениями по всей стране, словно крыс! – заворчал Майер на горемычного офицера. – Никакой оперативности, позор всему люфтваффе, и к тому же это просто опасно!

– Полковник, мобильное подразделение в Сен-Жермен под надежной охраной. Дислокация регулярно меняется.

– Они же на грузовиках, – огрызнулся Майер. – Угонит любой, кто умеет крутить баранку.

– Уверю вас, что мы...

Полковник грохнул кулаком по барной стойке.

– Фельдмаршал уже давно обещает люфтваффе собственное оборудование для связи, только где оно? Не объясните?

Припертый к стенке посыльный откашлялся.

– Я уверен, принимаются все необходимые меры...

– А вот флотским шифровальные машины доставили безо всяких проволочек! – в ярости перебил полковник.

– Оборудование в Сен-Жермен гораздо надежнее и сложнее того, что у моряков. И сюда доставят такое же.

На Майера это не произвело впечатления.

– У меня уже стоит мертвым грузом неподключенный телетайп, а к нему в придачу связисты от безделья маются. Фон Рундштедт, часом, не обмолвился, когда ожидать прибытия этой хитроумной шифровальной машины?

В его устах слово «хитроумной» прозвучало чуть не ругательством.

– Не... не могу знать, господин полковник. Думаю, на днях. Какую-то деталь ожидают из Берлина. Насколько я понимаю, их отправляют в разобранном виде.

Майер тихонько выругался.

– Что-нибудь случилось?

Эстель испуганно оторвалась от сумочки, широко раскрыв глаза.

– Нет-нет, – успокоил он ее по-французски. – Так, мелочи.

Повернувшись к офицеру, он перешел на немецкий и взял себя в руки.

– Давайте ваш пакет. Я сам рейхсмаршалу передам.

– Благодарю, господин полковник, – облегченно вздохнул офицер. – Буду ждать ответа.

Полковник протянул руку, и офицер вручил ему пакет.

– Передайте фон Рундштедту, что моё терпение не безгранично. И рейхсмаршала тоже.

– Виноват...

– Отставить! – отмахнулся Майер.

– Что-то важное? – спросила Эстель, показывая на бумаги.

– Запрос из Берлина, – ответил Майер. – Боюсь, дело не терпит отлагательства.

Он забрал лежащее на стойке кольцо и взвесил его на ладони.

– А знаете, может, вам стоит пересмотреть свое предложение?

– Мое предложение?

– Насчет песни, разумеется.

– Конечно.

Ну и тип, умеет с толку сбить.

– Составьте компанию нам с рейхсмаршалом. Раз уж придется его потревожить, надеюсь, ваше присутствие подсластит пилюлю. Ему наверняка понравится визит любимой певчей пташки, тем более с щедрым подарком.

Эстель притихла.

– Ну, это вряд ли...

– У нас ведь уговор, услуга за услугу, не так ли, мадемуазель Алар?

Майер положил перед ней на стойку изумруды.

Эстель чуть пригубила словно ставшего ядом шампанского, поставила бокал и взяла ожерелье.

– Почту за честь, – соврала она.

– Отлично, – Майер взмахнул рукой в сторону выхода. – Прощу.

И повел ее через роскошные салоны на второй этаж к императорским апартаментам. Хоть и привычная с детства к роскоши и достатку, в императорский люкс она попала впервые. Часовой у двери при виде полковника уступил им дорогу. Ощувив пристальный взгляд, она дерзко уставилась прямо на него, и тот потупился.

Майер громко дважды постучал в дверь, и та почти сразу отворилась. На пороге оказался еще один военный, наверное адъютант, судя по бритвенно-острым стрелкам, зеркальному блеску сапог и чопорному, надменному выражению лица. Ей всю жизнь приходилось сталкиваться с подобными людьми, приближенными к власти имущим и лишь поэтому мнящими себя выше других.

– Полковник Майер к рейхсмаршалу, – громко отрапортовал ее спутник, впрочем, на кого он хотел произвести впечатление, для Эстель осталось загадкой.

– При всем уважении, полковник, не поздновато ли? – проворчал по-немецки адъютант, обводя глазами Эстель. – И шлюх он сегодня не заказывал, даже таких смазливых.

Эстель с притворно-любезной улыбкой переводила вопросительный взгляд с одного на другого.

– Мадемуазель Алар ценят за голос, – покровительственно съязвил Майер, подчеркнув последнее слово, – а также за щедрые дары, что она принесла. Советую запомнить на будущее, Гессе.

Адъютант лишь недоверчиво хмыкнул, ничуть не смутясь.

– Ну и что?

– А у меня срочный запрос от фюрера, требующий немедленного ответа. Но вы не стесняйтесь, продолжайте рассуждать о том, о чем не смыслите.

Гессе поджал губы.

– Геринг сейчас отдыхает, но я доложу о вашем прибытии. Ожидайте в гостиной.

Он провел их в роскошный салон и исчез за высокими, кажущимися узкими дверями.

Салон поражал высоченными потолками, увешанными множеством хрустальных люстр, аккуратно подвязанными элегантными драпированными портьерами на окнах в два человеческих роста, уютно сдвинутыми вместе старинными креслами, кушетками и столиками, словно ожидающими возвращения гостей к душевным беседам.

Но Эстель, лишь мельком оглядев это великолепие, заинтересовалась собранием картин, скульптур и гобеленов, заполняющих все свободное место вдоль стен, на креслах и столах, которому позавидовал бы любой музей.

– Впечатляет, не правда ли? – прошептал Майер. – А в Же-де-Пом у него коллекция ещё богаче. Сам-то я в искусстве не особо разбираюсь, а вот рейхсмаршал заядлый охотник за самыми лучшим образцами со всей Европы. Все, что вы здесь видите, скоро перевезут.

– Куда же? – с наигранным любопытством поинтересовалась Эстель, стараясь скрыть охвативший ее ужас.

– Насколько я понимаю, коллекция официально предназначена для большого Музея фюрера, который будет символизировать высокую культуру рейха. Между нами говоря, я считаю, что к некоторым экземплярам рейхсмаршал питает личный интерес. Тяга к прекрасному – его слабое место.

– Вы ведь и сами немного увлекаетесь коллекционированием? – подмигнул ей полковник.

– Верно, – через силу выдавила она.

– Значит, лучше меня представляете, чего все это стоит.

Эстель медленно повернулась кругом, пытаясь скрыть кипящие эмоции. Ярость, ненависть, беспомощность, ужас. Ясное дело, никакая это не коллекция, а грабеж и надругательство над историей и культурой. Стоя посреди этой комнаты, она совершенно не представляла, как можно спасти хоть что-то из этих сокровищ. Вспомнила о картинах, спрятанных дома, в тайнике, по просьбе Уайлеров, – слухи о разграблении нацистами личных коллекций распространились повсеместно, но истинных масштабов опустошения и разорения до сих пор не представляла.

– Полковник Майер.

Эстель вздрогнула от неожиданности и оглянулась на вернувшегося адъютанта.

– Рейхсмаршал готов вас принять. Одного. Мадемуазель велено ждать здесь.

Полковник с тяжелым вздохом направился к дверям и слегка наигранным жестом распахнул их настежь.

В проеме Эстель мельком разглядела огромную кровать с пологом, будто вывезенную из будуара Марии-Антуанетты, на которой лежал грузный человек в бордовом шелковом халате с поясом и меховой оторочкой.

Из-под нее торчали ноги в бледно-лиловых брюках.

Адъютант переключил внимание на Эстель.

– Рейхсмаршал сейчас не в настроении для... забав, – обратился адъютант к Эстель на безукоризненном французском, хотя и с сильным акцентом. – Он вас не примет, но ему крайне любопытно, что вы ему принесли.

– Конечно.

Эстель передала изумруды.

Адъютант молча взял их и проследовал за Майером в спальню, захлопнув за собой двери.

Эстель застыла посреди комнаты, но потом заставила себя сдвинуться с места. Она обошла картины, разглядывая некоторые с разных сторон в попытках определить, откуда они взяты или куда отправляются.

Среди них были образцы фламандской, французской, итальянской и английской живописи, некоторые явно эпохи Ренессанса. Уникальные и бесценные произведения искусства. Составить опись было нечем и не на чем, но, может быть, удастся...

– Ищете что-то конкретное? – буравя ее пристальным взглядом, осведомился Гессе, вернувшийся с полупрозрачной лимонно-желтой тканью, словно струящейся у него на руке.

– Ах, что вы, – вздохнула Эстель, – никогда не видела сразу столько прекрасных картин. Здесь... как в большом музее. Обожаю музеи.

– Еще бы, – с явной неприязнью скривился он. – Держите. Вам велено надеть.

И сунул ей сверток желтой ткани.

– Прошу прощения?

– Рейхсмаршалу Герингу подарок очень понравился, и он решил вас отблагодарить. Наденьте это на следующее... выступление, – запнулся он на последнем слове, недвусмысленно намекая, что считает ее шлюхой. Эстель не стала его переубеждать, а приняла почти невесомое платье из крепа на шелковой подкладке с бретельками, украшенными стеклярусом.

В глубине души так хотелось швырнуть эту тряпку немцу в морду, но здравый смысл взял верх, и она уже прикидывала, вдруг получится кому-нибудь продать и сколько выручить.

– А еще он просил передать вот это.

Он вручил Эстель прямоугольную карточку, оказавшуюся открыткой с изображением длинного здания с колоннадой, украшенного нацистским флагом. На обороте значилось: «Милой Эстель. С благодарностью, Герман Геринг». Ее чуть не стошнило.

– Он велел вам примерить платье, – продолжил Гессе, – пока они обсуждают с полковником государственные дела.

Эстель даже не нашлась что ответить, едва сдерживаясь, чтобы не броситься наутек.

– Да уж, и впрямь тупая как пробка, – раздраженно буркнул по-немецки адъютант.

– Не понимаю, что вы говорите.

Она заставила себя сосредоточиться и опустила открытку в сумочку.

– Рейхсмаршал мне поручил убедиться, что платье вам понравилось, – презрительно, с расстановкой сообщил адъютант, словно объясняя слабоумной.

– Это кутюр? – уточнила она, хватаясь за единственный меркантильный вопрос, что пришел в голову.

Гессе презрительно усмехнулся. Черт возьми, ей и самой было противно от собственной беспомощности среди этого бедлама. Приходится лебезить перед генералом-морфинистом, уничтожающим все, что она знала и любила, и ради чего? Ради призрачного шанса подслушать что-то важное и повлиять на ход событий?

Лондон, может, уже в руинах, а она обо всем узнает лишь задним числом. Да что она вообще здесь делает? Неужели хоть что-то из ее наблюдений имеет какую-то ценность?

– Он сказал, от Ланвен, – усмехнулся немец. – С вашим-то... безупречным вкусом наверняка оцените.

Эстель вскинула голову и потребовала с самым надменным видом, на который была способна:

– Проводите меня в номер, где можно переодеться.

Адъютант с отвращением покачал головой, оглянулся на плотно закрытые двери, за которыми беседовали Майер и Геринг, и ухмыльнулся.

– Конечно. Есть у меня на примете одно место, как раз для вас.

И поманил Эстель за собой.

Лавируя между кучами награбленного добра, они пересекли салон до распахнутых резных дверей по левой стороне, за которыми виднелся роскошный банкетный зал. А прямо перед ними оказалась еще одна дверь, практически неотличимая от окружающей стены, подобно потайным ходам в будуарах Версаля.

«Кладовка, что ли?» – размышляла Эстель, и сразу вспомнилось множество хитро спрятанных буфетов и различных встроенных шкафов в отеле Сезара Рица. Или тайный ход для прислуги? А может, проход для особых гостей, через который можно незаметно войти и выйти? Гессе открыл защелку около панели, и толстая массивная дверь бесшумно отворилась вовнутрь. Он шагнул вперед, пошарил рукой над головой, включая свет, и злорадно добавил:

– По-моему, подойдет.

Он явно веселился.

И черт с ним. Ей как раз на руку, когда ее принимают за дурочку. А еще лучше, если перестанут обращать внимание.

– Это чулан? Ни за что.

– Рейхсмаршалу не принято отказывать, мадемуазель. Если понадобится что-то еще, я к вашим услугам, – не скрывая ухмылки, бросил он напоследок и вышел, закрыв за собой дверь.

При свете голый лампочки над головой Эстель огляделась. И в самом деле чулан, продуваемый насквозь, пыльный чулан для хранения уборочного инвентаря, и она ни на секунду не сомневалась, что этот тип хотел ее унижить. Изнутри на двери была небольшая щеколда, и Эстель тут же заперлась, пресекая дальнейшие унижения. От этого Гессе всего можно ожидать. Знает она таких. Самоутверждающихся за чужой счет.

Судя по свежему запаху древесины и опилкам под ногами, этот чулан был устроен совсем недавно. На узких стеллажах вдоль правой стены стояли жестяные банки, как оказалось, с мебельной политурой, а рядом с ними небольшая стопка ветоши. Эстель оставила сумку на соседней полке.

Налево, в дальнем углу стояли три веника разных размеров и пыльный ящик с инструментами. Над ними из стены выходили толстые витые провода, судя по блестящим шляпкам гвоздей, тоже проложенные недавно. Они тянулись вверх по стене, потом по потолку и исчезали в противоположном углу около лампочки. Эстель нахмурилась. Зачем в императорском люксе нужен почти пустой, не считая нескольких банок и веников, чулан, если не для унижения придворных шлюх?

Она повернулась, желтое платье выскользнуло из рук, прежде чем она его успела поймать, и упало к ногам, подняв облачко пыли, которое тут же подхватило сквозняком и унесло в щель под дальней стеной. Эстель скинула туфли и в три шага пересекла чулан. Почувствовав сквозняк, щекочущий голые ноги, она внезапно поняла, что это значит. Сзади оказалась не стена, а дверь. По правде говоря, она бы не догадалась, если бы не закончила похожую перестройку в собственной квартире. Надо же, ирония судьбы.

Пробежавшись пальцами по периметру стены, через несколько секунд она обнаружила защелку, а еще через несколько мгновений смогла ее открыть. На хорошо смазанных петлях задняя стена бесшумно отворилась вовнутрь. За ней оказалась узкая деревянная лестница, скрывающаяся в темноте внизу.

Эстель знала, что в ее распоряжении несколько минут, прежде чем немец задумается, почему она задерживается. Нужно их использовать. Без лишних раздумий она двинулась вниз по ступенькам. «Небось еще один тайник для награбленных произведений искусства, – думала

она, проводя руками по неровной штукатурке. – Или место хранения самых ценных сокровищ Парижа. Или темница для слишком любопытных самозванок, прикидывающихся шлюхами».

Внизу воздух стал прохладнее, очевидно, она спустилась на уровень подвалов «Рица». Свет сверху сюда почти не доходил, уступая место теням.

Так же, как и наверху, сильно пахло свежеструганными досками с добавлением масляного металлического запаха машин. Кто-то совсем недавно здесь работал, хотя сейчас перед глазами была лишь непроглядная тьма. Подняв руку, она без особого труда нащупала такой же шнурок, как и в чулане. Немцы, однако, на редкость предсказуемы.

Она потянула за шнурок, и помещение озарилось ярким светом.

Оно оказалось гораздо просторней чулана наверху, почти как спальня у нее дома. Во всю его длину тянулся новый тяжелый стол, на дальнем краю которого стоял аппарат, похожий на огромную пишущую машинку.

Рядом с ним, ближе к середине, было пусто, не считая мотка кабелей возле стены. На ближнем к Эстель краю ровными рядами лежали по порядку рулоны бумажной ленты, обычная бумага в пачках, коробки с перьями и чернилами, а рядом с ящиком инструментов сгрудились небольшие жестянки, скорее всего с маслом. К столу были придвинуты четыре деревянных стула, приготовленные, наверное, для телеграфистов.

Нет, это вовсе не тайник для награбленных сокровищ. Скорее что-то вроде радиоузла. Уже замеченный ею в чулане наверху пучок витых проводов тянулся по стене и скрывался где-то позади стола. Эстель раньше не приходилось видеть телетайп, но она догадалась, что механизм, похожий на пишущую машинку, это он и есть. Простаивает без дела в ожидании хитроумной шифровальной машины, о которой говорил Майер, правда, сейчас ничто не подсказывало, как она может выглядеть.

Справа стоял картотечный шкаф. Эстель тихонько подошла к нему и подергала за ручку верхнего ящика. Заперто. Как и два других. А пытаться их открыть нет времени.

Она внимательно оглядела комнату, запоминая обстановку, и выключила свет. Уже крадучись босиком наверх, услышала стук в дверь.

– Мадемуазель, вас все устраивает? – послышался приглушенный ехидный голос адъютанта.

Она захлопнула потайную дверь с неожиданно громким щелчком.

– Мадемуазель?

Эстель нарочно сбросила с полки пару банок, подняв оглушительный грохот.

– Эта каморка меня совершенно не устраивает, – рявкнула она во весь голос, рывком стягивая платье. – Настоящая помойка!

Отложив его в сторону, она подняла с пола желтое платье и торопливо натянула его через голову, слушая хохот немца за дверью.

Платье оказалось в самый раз – прелестный фасон, роскошный материал, а желтый цвет, она знала, ей к лицу. Одним словом, мерзость от и до.

– Мадемуазель? – снова забарабанили в дверь.

Забрав свое платье и наспех сунув ноги в туфли, она схватила сумочку с полки и открыла дверь.

– Отвратительный чулан, – пожаловалась она. – Даже зеркала нет.

– Шлюхам не нужны зеркала, – ухмыльнулся Гессе.

– Я не шлюха, – постаралась изобразить праведный гнев она.

– Все вы шлюхи, – ответил он по-немецки. – Полный город распущенных баб.

– А полковник Майер не освободился? – скрестив руки на груди, резко осведомилась она.

– Скоро освободится.

– Тогда будьте так любезны ему передать, что я буду ждать в баре, – собрав всю свою заносчивость, велела она.

Остаться было просто невыносимо. Хотелось удрать подальше от этих апартаментов. Собраться с мыслями и внятно, четко изложить полученную информацию для передачи в Лондон.

Если Лондон еще цел.

– И можете доложить рейхсмаршалу, я в таком восторге от его подарка, что просто нет слов, – продолжила Эстель.

– Обязательно, – скорчил кислую мину адъютант.

– А еще передайте, я надеюсь в самом скором времени отплатить за его щедрость.

* * *

Полковник Майер так и не смог проводить Эстель домой. Только передал свои искренние извинения вместе со свертком деликатесов из ресторана и автомобилем с шофером. Ехать в большой черной машине среди жалких останков некогда бурлящего весельем города было сущей пыткой. От шумных компаний вечерних гуляк остались одни воспоминания, из опустевших, притихших бульваров и проспектов словно высосали всю жизнь. Дома, когда-то словно манящие заглянуть на огонек, теперь стояли запертыми со ставнями на окнах, усиливая гнетущее ощущение заброшенного покинутого города. Сидя в автомобиле, мягко несущемся сквозь душающую тьму, Эстель почувствовала себя словно погребенной заживо.

Едва «Ситроен» остановился, она уже выскочила вон и с огромным облегчением прошмыгнула домой, преодолевая невероятную усталость. Каждая секунда, проведенная в паутине рейха, откладывалась на сердце непосильной ношей. Добравшись до лестницы и опершись на едва различимые в сумраке перила, она поспешила к своей квартире. Подойдя к двери, на ощупь отперла замок и тихонько прикрыла ее за собой, словно эта деревянная преграда могла оградить от невзгод. Ступив всего шаг в темноте квартиры, она почувствовала, как по шее побежали мурашки, и замерла на месте. Что-то ее насторожило...

И тут чья-то ладонь зажала ей рот.

– Тихо, Алар, – раздался над ухом хриплый шепот. – Это я.

– Жером?

Эстель завертела головой, высвобождая губы и ощущая спиной крепкое теплое тело и твердую руку на поясе. Даже мелькнула шальная мысль просто прильнуть к этой надежной опоре, зажмуриться и забыть обо всех творящихся кругом ужасах. Идея и в самом деле безумная, ведь сколько ни притворяйся, этот кошмар все равно не кончится. Она отстранилась и перевела дух, стараясь унять бешено колотящееся сердце.

– Merde⁵, – Эстель повернулась к стоящему позади человеку, силясь различить его лицо. – Как ты сюда попал?

– У тебя запасной ключ спрятан за косяком. Повезло, что никто чужой не нашел, – с упрёком объяснил он, и поделом ей.

– Больше не повторится.

– Уж постарайся.

– Давно пришел?

– Да еще засветло.

– У тебя все в порядке? Или что-то случилось? – шепотом спросила Эстель.

– Нет, все нормально.

Она провела рукой по волосам.

– Напугал меня до смерти.

– Прости, – не особо убедительно отозвался он.

⁵ Черт (фр.).

– Ты хоть представляешь, что с тобой сделают, если попадешься во время комендантского часа?

При мысли о том, что Жерома могут пристрелить или повесить на первом попавшемся столбе, живот свело судорогой.

– Прекрасно представляю, – холодно отрезал он. – Своими глазами видел. А ты, похоже, нашла способ избежать подобной участи.

– Что-что?

– Несколько минут назад я видел из окна, как ты вышла из машины. Не ожидал, что фашисты тебе выделили личного шофера.

– Я была в «Рице», – начала Эстель, как бы оправдываясь. – А потом мне предложили помочь добраться домой, вот я и согласилась, потому что иначе было бы опасно.

– Могла бы остаться на ночь. Там тебе наверняка были бы рады.

Нахмурясь от такой грубости, Эстель отстранилась от него и на ощупь обошла письменный стол, куда бросила сверток. Оставив сумочку и палантин на диване, направилась к окнам проверить, плотно ли задернуты шторы, а потом включила маленькую настольную лампу и вдруг спросила:

– Жером, зачем ты пришел?

Врач словно окаменел.

Неприметно одетый, с непокрытой головой, так что густые волосы, заметно отросшие с последней их встречи, падали на лоб. А он похудел, осунулся, скулы заострились. В обычно добром взгляде его карамельно-карих глаз теперь сквозило осуждение.

– Зашел проведать, а то Вивьен беспокоится, вдруг что стряслось. Обмолвилась, что вы давно не виделись.

– Просто нечего было передавать, – объяснила Эстель. – Зато сегодня я...

– Ну и хоромы у тебя, – перебил он.

– Что?

– Столько народу осталось ни с чем, а ты тут в роскоши купаешься, цела и невредима.

– Я же с детства тут живу. Считаю, одна, только няньки, компаньонки да гувернантки меняются, которых родители нанимали меня воспитывать.

Она осеклась, поняв, как это прозвучало словно из уст избалованной наследницы знатного рода, которой она зарекалась стать. Жером прав – жить в такой роскоши большое везение.

– Извини. Я не это хотела сказать.

Жером наконец сдвинулся с места и подошел к небольшому журнальному столику рядом с диваном. Взял номер журнала «Сигнал» и принялся внимательно разглядывать.

– Надо же, ты и подписку продлеваешь, – не глядя на нее, холодно процедил он.

Потом бросил журнал и взял черно-белый снимок в рамке, с которого глядел немецкий офицер в форме Первой мировой.

– Родственник?

Эстель опешила. Да как он мог подумать, что она...

– Хотя какая разница, – не дожидаясь ответа, добавил он и небрежно поставил снимок обратно.

Тот зашатался и упал лицом вниз. Жером не стал его поднимать, а подошел к камину, глядя на висевшую над ним картину.

– Эта картина символизирует предательство?

Эстель замерла от неожиданности, но вскоре подошла к нему и тоже всмотрелась в полотно, на котором была изображена прекрасная девушка с обреченно-покорным выражением на лице, обрамленном развевающимися золотистыми локонами, вскинутыми в мольбе руками и выбившейся из-под синей туники грудью. Рядом с ней два солдата, один ее держит,

а другой уже занес кинжал, чтобы пронзить ей сердце. Пожилая женщина в отчаянии тянет руки к дочери, пытаясь остановить неизбежное.

– Не совсем предательство. Это работа Шарля Лебрена, называется «Пожертвование Поликсены», – объяснила она Жерому. – Ее приносят в жертву, чтобы умиловать дух Ахилла. Художник стал придворным живописцем Людовика Четырнадцатого. Наверное, мама только поэтому ее купила и велела повесить здесь...

– Алар, я понимаю, когда приходится выбирать, как пережить эту войну, каждый решает сам, но такого я от тебя не ожидал, – по-прежнему не глядя на нее, тихо перебил он. – Надеюсь, что после всего пережитого ты на нашей стороне.

– Что?

– Хотя бы обещаю, что не выдашь Вивьен.

Эстель отпрянула.

– Боже мой. Ты что, решил, что я с ними заодно?

– А разве нет?

– Да нет же! – прохрипела она. – Как ты мог такое подумать?

– А что я должен думать, глядя на эту квартиру? Алар, тот, кто ведет двойную игру, никогда не победит.

Эстель пронзила его гневным взглядом, чувствуя, как от вскипающей ярости застучало в висках.

– Давай-ка я тебе кое-что покажу.

Она резко развернулась и, не дожидаясь ответа, направилась в спальню, где так же привычно проверила, плотно ли задернуты шторы, и только потом включила лампу.

Вскоре в дверях появился Жером.

– Проходи, – велела она. – Что ты здесь видишь?

Жером смерил ее пристальным взглядом, но послушался. Обошел спальню кругом, заглянул в гардеробную и остановился перед шифоньером.

– Столько тряпья, что за всю жизнь не сносить.

– Верно, – согласилась она, чем, казалось, его обескуражила.

Он снова медленно обернулся, озираясь кругом, и с ноткой раздражения переспросил:

– Алар, так что ты хотела показать?

– Ничего, – буркнула она, скрестив руки на груди.

– В каком смысле?

– В самом прямом.

Жером только всплеснул руками.

– Давай объясню, что ты не заметил. В гардеробной фальшивой стенкой отгорожена ниша с полной коллекцией картин семьи Рашель, – резко продолжила она. – Небольшая переделка, легко замаскированная той самой кучей тряпья, что мне не переносить за всю жизнь.

Жером нахмурился.

– Отец Рашель, Серж Уайлер, почти всю жизнь собирал работы импрессионистов и экспрессионистов, а чтобы фашисты все не разграбили, попросил меня спрятать эту коллекцию. И помог поставить фальшивую стену, – добавила она.

– Я не...

– Не перебивай! – рявкнула она.

Жером замолчал.

– А еще Серж помог сделать вот это.

Эстель подошла к шкафу и широко распахнула дверцы. Потом потянулась к потайной защелке в верхнем углу, и задняя стенка шкафа отворилась внутрь.

– Когда я была маленькая, в этой комнате жили компаньонки и гувернантки. Мы просто переделали шкаф и переставили его перед дверью.

Жером устался на узкую кровать со столиком, смутно виднеющиеся в потайном закутке.

– Никогда не видел ничего подобного, – пробормотал он.

– До того как «Риц» заняли люфтваффе, а Геринг захватил императорский люкс, там жила вдова, американка по имени Лора Мэй. Когда пришли немцы, она боялась, что у нее отнимут огромную коллекцию мехов, вот и попрятала их во встроенном шкафу, а перед ним поставила здоровенный старинный шифоньер, чтобы прикрыть дверь. Оттуда я и почерпнула идею.

– Ты-то откуда это знаешь? – спросил Жером, нырнув по самые плечи внутрь. – Что она сделала?

– От нее самой. По-моему, очень хитро придумано.

– А с ней что случилось? С американкой?

– Все остальное продала фашистам... Самые эффектные драгоценности попали к Герингу, говорят, кое-что досталось даже Гитлеру... и покинула Париж. Куда уехала, я не знаю. Хотя меха, предполагаю, все еще в «Рице».

Жером повернулся к ней и мягко, даже несколько смущенно спросил:

– Так для чего эта комната?

– Ты знаешь, что Серж – врач?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.